12+

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Дамаскин

№ 3 (55) сентябрь 2021

Монастыри и монашество. Традиции и современность

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Дамаскин

№ 3 (55) сентябрь 2021

журнал Нижегородской духовной семинарии

Одобрено Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации

Главный редактор
иерей Виктор Плаксин

Заместитель главного редактора
Ю. А. Гуторов

Фото: Ю. Гуторов, прот. А. Рассанов

Вёрстка В. Г. Кочнев

Редактор-корректор Т. В. Семикопова

Учредитель и издатель
АНО «ПЦ „Логос“» (Автономная некоммерческая организация «Просветительский центр „Логос“»)

Генеральный директор
А. С. Фролов

Адрес
603086, Нижний Новгород, Ярмарочный проезд, д. 10

Адрес редакции
603086, Нижний Новгород, Ярмарочный проезд, д. 10
Тел.:+7 (831) 246-73-95
E-mail: nds@nne.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер ПИ № ФС 77–75718 от 13.06.2019 г.
Журнал размещен в научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) по договору № 381–09/2017 от 26 сентября 2017 г.
Подписной индекс 51299

Тираж 2550 экз.

Печать: типография «Ридо»
603074, Нижний Новгород, ул. Шаляпина, д. 2а

Дата выхода: 30 июня 2021 г.

Цена свободная
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций

Содержание

Тема номера: Монастыри и монашество. Традиции и современность

4 *Юрий Гуторов*
Возникновение и становление христианского монашества

12 *Схиигумен Савва (Остапенко)*
Степени монашества и чины пострижения

18 **Инфографика: Монашеское облачение**

22 *Алексей Беглов*
Непокоренное монашество

30 *Иеромонах Лаврентий (Собко)*
Древнее монашество через призму современности: разнообразие молитвенного опыта

Перо в руках семинариста

40 *Иерей Виктор Кравцов*
Сущность и цель монашества

44 *Диакон Александр Макаров*
Монашество в годы Петра Великого

48 *Андрей Сидоров*
Иеромонах Василий (Росляков) — образец современного монашества

Литературные страницы

52 *Иеромонах Василий (Росляков)*
О монашестве

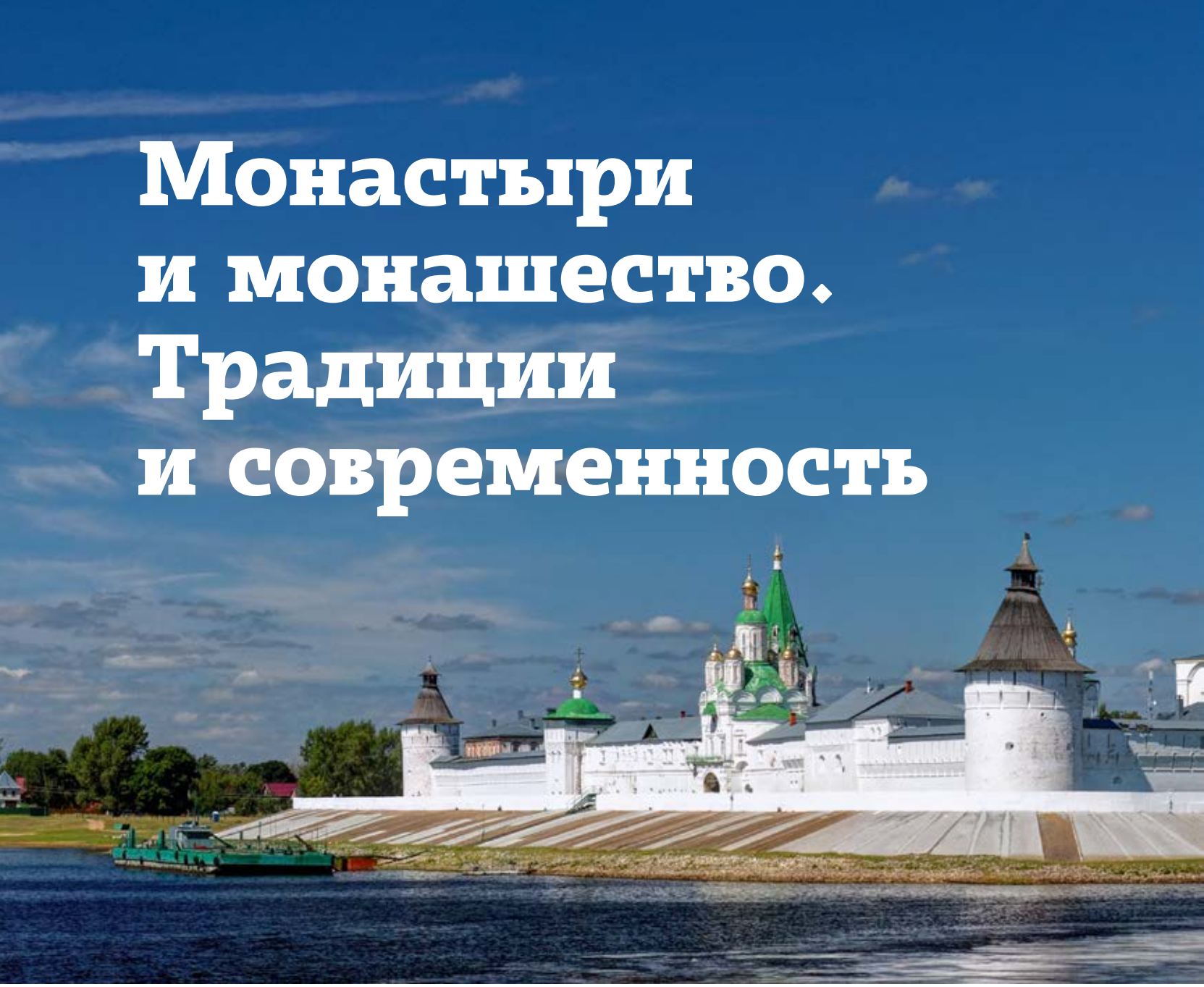
53 **Стихи иеромонаха Василия (Рослякова)**

56 *Олег Парилов*
«Стефан...»

Христианское творчество

62 *Протоиерей Андрей Рассанов*
Фотопроект «Граждане Неба»

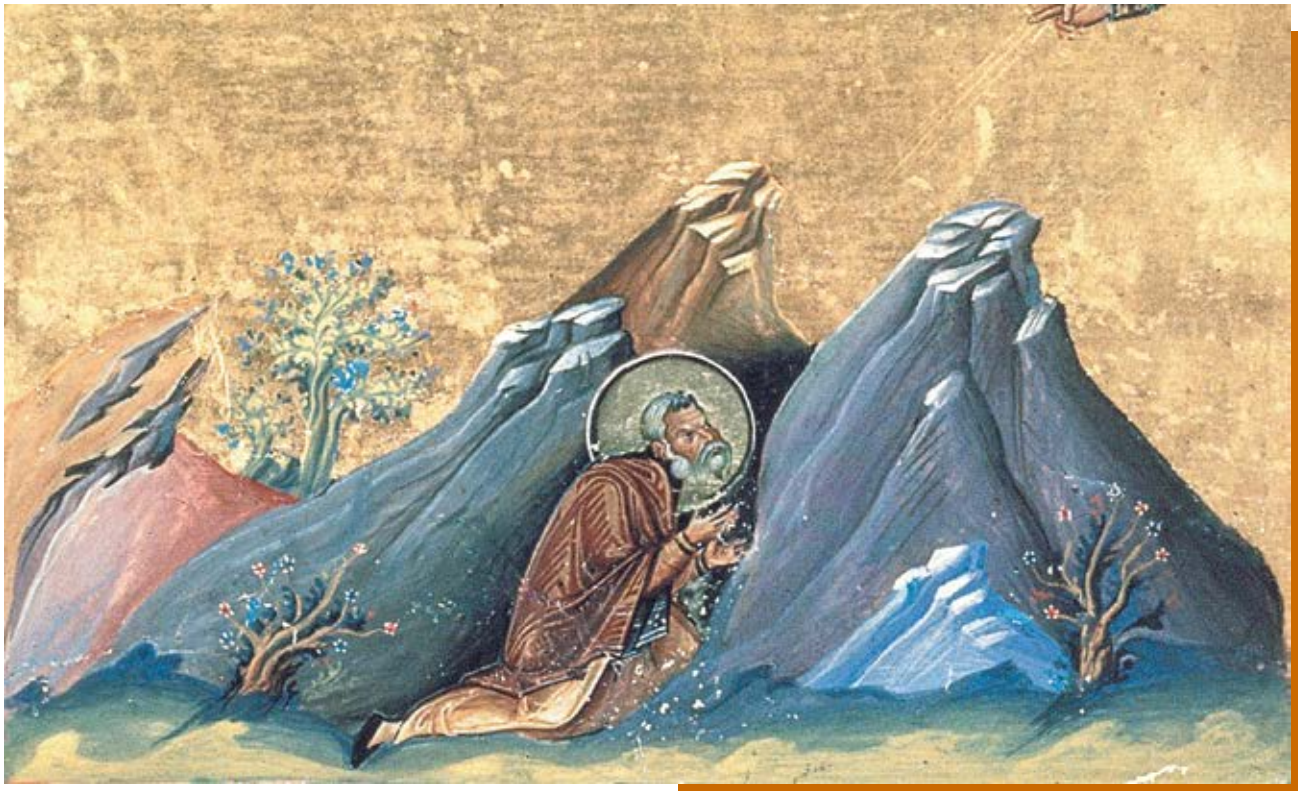
Монастыри и монашество. Традиции и современность



... По свидетельству преподобного Иоанна Лествичника, «свет монахов суть ангелы, а свет для человеков — монашеское житие» (Лествица, 26 слово, 31 ст.). Пристальные взоры как членов Церкви, так и людей внешних устремлены на иночество, ибо именно монашествующие, отрешившиеся от соблазнов и суеты мира сего, с особой ревностью стремятся приблизиться к Богу, уподобиться Ему, восходя ко Творцу путем духовного и нравственного совершенствования. Издревле и по сей день люди направляются в паломничества по монастырям, поселяются

возле них, а особо пламенеющие любовью ко Господу принимают обеты. Но если раньше повествования о святых обителях, о подвижниках благочестия передавались из уст в уста, то ныне мы имеем возможность делиться духовным опытом и своими размышлениями посредством печатных и электронных изданий...

Кирилл,
Патриарх Московский и всея Руси



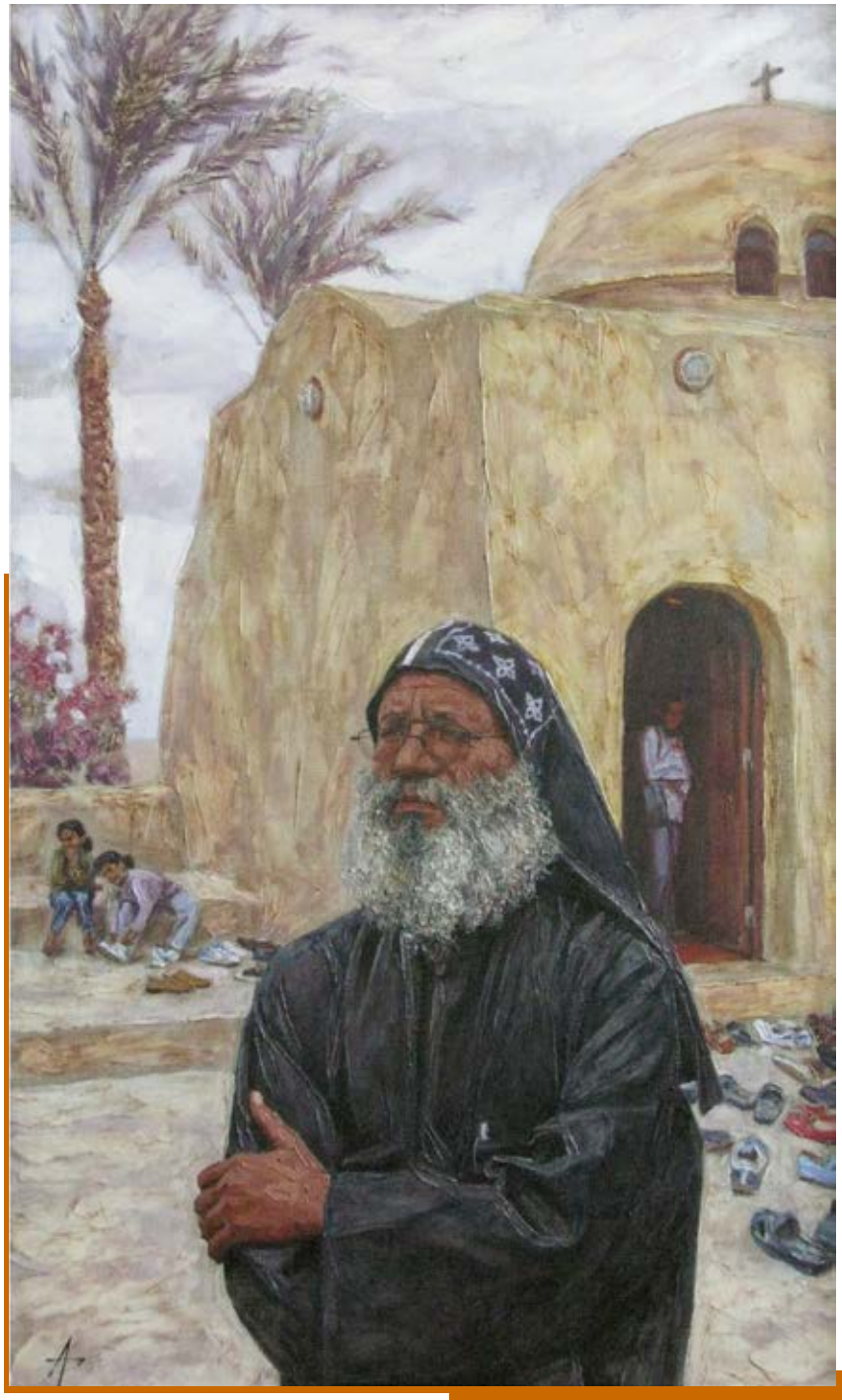
Юрий Гуторов,
заместитель главного редактора журнала «Дамаскин»

Возникновение и становление **христианского монашества**

Монашество — явление не только христианское, но общерелигиозное. Еще до появления христианства на мировой исторической сцене существовало монашество, в частности в лоне восточных религиозных культов. В иудаизме, в эпоху возникновения христианства, существовали религиозные общины, такие как ессеи в Палестине или терапевты (целители) в Египте, которые помимо аскетизма формировали определенный образ жизни, схожий с монашеством. Аскетизм как особый образ жизни, являющийся предпосылкой ухода от мира и развития монашества, был известен и в эллинистическом мире.

Выбор девственности вместо брака во имя Царства Небесного провозглашается в книгах

Нового Завета (можно вспомнить рекомендации апостола Павла оставаться вне брака, ибо так удобнее угождать Богу (1 Кор. 7: 8). Апологет Иустин Философ отмечает, что многие христиане, как мужчины, так и женщины, в начале II века находятся в девственности, даже до глубокой старости. Апологет Афинагор немного позже свидетельствовал: «Вы можете найти много мужчин и женщин, которые стареют, соблюдая безбрачие, надеясь стать ближе к Богу»[1].



Движение девственников или вдовых, живущих вне брака, возникшее на заре христианства, постепенно формируется в группы и оказывает существенное влияние на духовную основу христианской жизни. Члены этих групп считают себя учениками и последователями апостола Павла. Таких, добровольно отказавшихся от мира людей, стали называть греческим словом «аскеты». Однако римское правительство было против таковых приверженцев безбрачия; закон против безбрачия был отменен только при святом Константине Великом.

Итак, уже со II века обет девства или целомудрия брали на себя некоторые христиане. Святоотеческая традиция в самых возвышенных чертах описывает славу и высоту безбрачного жития, видя в нем одну из важнейших ступеней на пути в Небесное Царство. Тертуллиан свидетельствует: «Сколько супругов с обоюдного согласия отказались от плотского общения, став добровольными скопцами ради Царства Божьего!»[2]

Однако, хотя общая ориентация раннего христианства содержала в себе все предпосылки,

породившие позднее монашество, факты удаления от мира и жизни в пустыни начали наблюдаться лишь после середины III века и оформились в институт в IV веке.

Первые монахи были отшельниками, ушедшими в пустыни Египта и Палестины. Аскеты-пустынножители получили название «анахореты» (греч. *αναχωρησις* — отшельник, пустынник). Очевидцы свидетельствовали, что в IV–V веках в пустынях Египта и Палестины насчитывались тысячи монахов. Обители анахоретов представляли собой своего рода города в пустынях (зачастую пещерные, выдолбленные в скалах), где подвижники постоянно упражнялись в молитве и аскетических подвигах.

Существует несколько причин возникновения монашества как института Церкви именно в это время.

Во-первых, усиление гонений на христиан с середины III века привело к бегству верующих в пустыню, куда государство с его карательными органами не могло добраться. Христиане были вынуждены покидать места проживания и бежать в пустыню, чтобы избежать заключения. Историк Созомен (Саламан Эрмий Созомен, ок. 400–450 гг.) сообщает, что многие его современники считали причиной возникновения монашества гонения на христиан. Однако уход христиан в пустыню не только не прекратился после

окончания гонений, но и усилился; соответственно, эту причину нельзя считать единственной.

Во-вторых, прекращение гонений и признание христианства свободно исповедуемой религией привело к секуляризации жизни христиан (обмирщению), вызывало протесты верующих, выразившиеся в значительном исходе в пустыню и создании там монастырей.

В-третьих, развитие христианского монашества связывают с экономическим и социальным кризисом той эпохи. В частности, зарождение монашества в определенной степени можно считать одним из результатов совпадения аскетических устремлений христиан и социальных проблем, имевших место в то время. Бедность, повышение налогов, финансовый кризис, коррупция в правительстве и общая социальная нестабильность, которыми отмечена эпоха правления Диоклетиана, способствовали бегству в пустыню и развитию монашества. Уходя из мира, христиане не только нашли более благоприятные условия для подвижнической жизни, но и избежали невыносимого экономического и социального гнета. «Не случайно монашество было более распространено в Египте, особенно в Фиваиде, регионе, сильно пострадавшем от экономического и социального кризиса»[3].

Наконец, укрепление института Церкви в мире, становление Церкви как ощутимого социально-политического института ограничило до некоторой степени ее харизматическую составляющую и породило потребность в создании новых возможностей для реализации харизматической жизни. Ответом на эту вновь возникшую потребность стало появление монашества.

Можно сделать вывод, что христианское монашество как форма организации аскетической жизни верующих возникает под влиянием всех вышеперечисленных причин: усиление гонений, загнавшее многих христиан в пустыню, затем общий экономический и социальный кризис, затем секуляризация жизни христиан в мире и, наконец, укрепление института Церкви в мире, который породил потребность в новом пространстве для взращивания харизматической жизни.

Так возникла потребность в новом пространстве для верующих, которым и стала пустыня. Уход в пустыню не был уходом от Церкви, но уходом от мира и его соблазнов. Христианин — инок — ушел в пустыню, чтобы полностью посвятить себя новой жизни, которую предложила ему Церковь.

Сменилось и отношение верующих к пустыне. Так, до времени жизни Господа Иисуса Христа отношение к пустыне было отрицательным. Но уже в процессе земной жизни Спасителя пустыня переосмысляется как место общения человека с Богом. Именно в пустыне Господь победил искушение, а Иоанн Креститель достиг полноты духовного совершенства. Пустыня понимается как место битвы человека с дьяволом. По словам протоиерея Иоанна Мейендорфа, «пустыня является архетипическим символом мира, враждебного Богу, подчиненного сатане, того мертвого мира, в который Мессия принес новую жизнь»[4]. Пустыня становится местом, где «христиане, облаченные в небесные доспехи, вступают в единоборство с ними (демонами) в их собственных душах»[5].

Важно отметить, что христиане-монахи и христиане-миряне не вступали в противостояние или конфликты друг с другом. На протяжении истории между монашескими и приходскими христианскими общинами существовали тесные связи, как духовные, так и социально-экономические. Это было характерно для восточного средневекового христианства, в частности для Древней Руси, где общественная жизнь верующих несла ярко выраженный отпечаток монашеского идеала.

Обращаясь к читателю журнала, хочется сказать, что тема монашества в истории Церкви очень обширна и разнопланова; в данном выпуске «Дамаскина» мы затронем только часть вопросов, посвященных этому значимому и важному явлению Церкви и общества, и несомненно вернемся к теме в очередных выпусках нашего журнала.

Примечания и ссылки:

1. Geōrgios I. Mantzaridēs, Soziologie des Christentums. Duncker & Humblot, 1981, p. 101.
2. Тертуллиан. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994. С. 337.
3. Geōrgios I. Mantzaridēs, Soziologie des Christentums. Duncker & Humblot, 1981, p. 107.
4. Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С. 280.
5. Творения преподобного Макария Египетского. М.: Паломник, 2002, С. 107.

5.V.12

Схиигумен Савва
(Остапенко)

Степени монашества
и чины пострижения

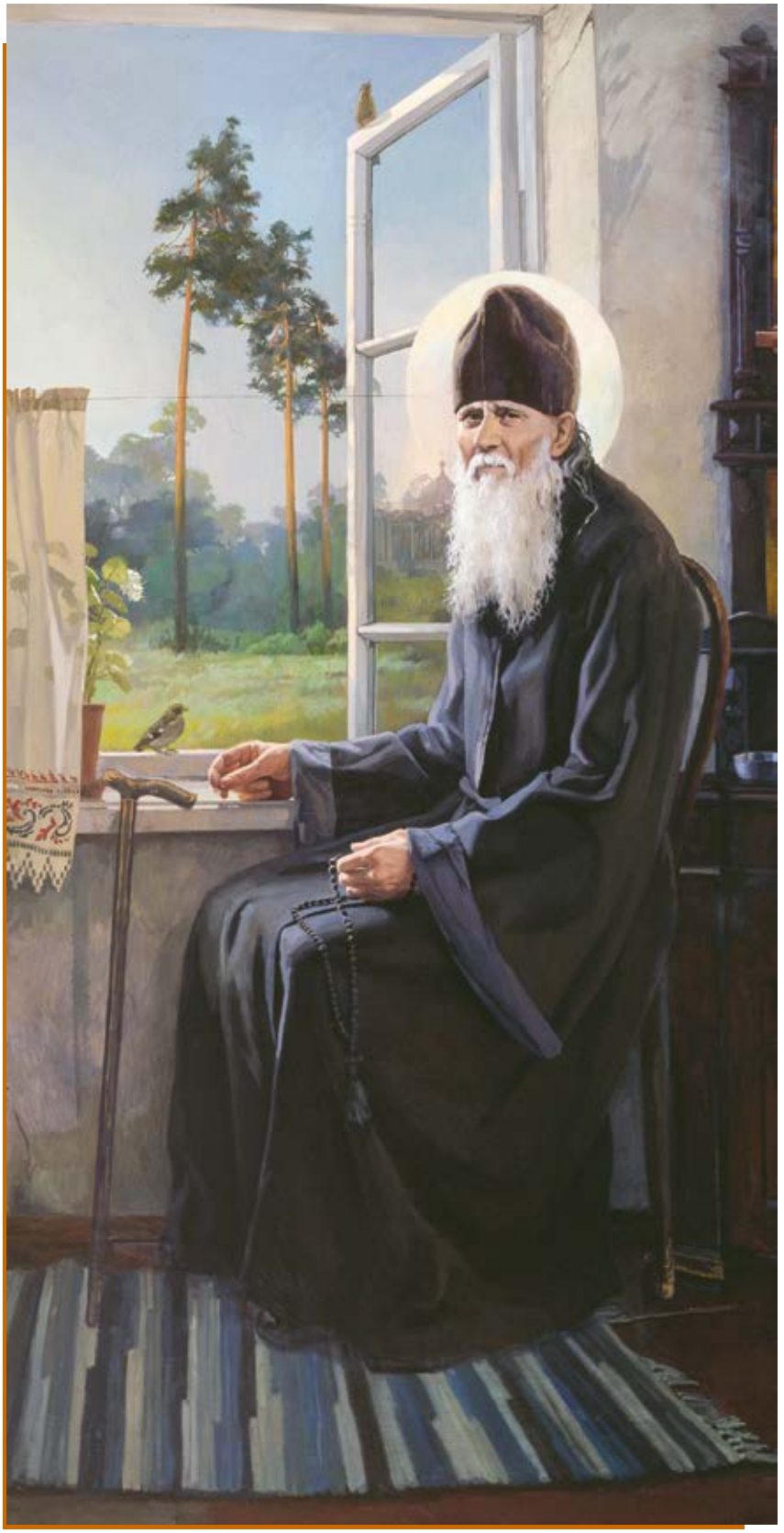
Святая Православная Церковь в монашеском подвиге различает три состояния или степени:

1. Приготовление к подвигу — послушничество,
2. Самый подвиг — собственно монашество,
3. Высшее исполнение подвига — схимничество.

Первая степень есть состояние испытания, которому подвергают тех послушников, которые готовятся к принятию самого подвига, то есть пострига в монашество.

Перед постригом недреманно каждый должен пройти самое строгое испытание, чтобы удостовериться в искренности и твердости принятого решения.

В монастыре новоначальные живут по многу лет послушниками. Они постепенно изучают все, что должен знать каждый монах, выполняют назначенное им молитвенное правило и усердно выполняют ту работу, которую поручают им делать. Так и миряне, желающие принять подвиг монашества, должны постепенно изучать все, что касается монашества, и по мере своих возможностей выполнять молитвенное правило, назначенное духовным отцом, а также добросовестно трудиться на общем послушании. И если Господу будет угодно, то придет время, когда усердный послушник воспримет подвиг



и по лестнице добродетелей будет восходить все выше и выше.

Итак, монашествующие первой степени называются послушниками, или новоначальниками.

Монашествующие второй степени называются малосхимниками, или совершенными.

Третью степень составляют великосхимники, или совершеннейшие.

Вступление в монашество и степени его Церковь освящает своими молитвами и священнодействиями. Основное действие при постриге — это пострижение власов, чем обряд этот напоминает собой Таинство Крещения. Таинству Крещения он подобен еще по величию своему и богатству излияния Святаго Духа на человека, а также и тем, что при крещении нарекают христианское имя и при крещении надевается крест, и при постриге надевают два креста: один большой деревянный на грудь и другой (параман) на спину, а третий крест дается в руку. Как Таинство Крещения вводит (рождает) в новую благодатную жизнь, так постриг в монашество вводит человека в совершеннейший образ христианской жизни, поэтому постриг и называют вторым крещением.

Постриг обычно бывает за литургией, изредка за вечерним богослужением. Существует три чина (обряда) пострижения:

1. В рясофор.
2. В мантию.
3. В схиму.

1-й чин называется последованием во одеяние рясы и камилавки.

2-й чин называется последованием малой схимы.

3-й чин называется последованием великой схимы. Третий чин установлен преподобным Пахомием Великим, до него было только два чина пострижения.

Самый короткий обряд, без произнесения обетов, это постриг в рясофор. После установленных молитв совершается крестообразное

пострижение посвящаемого и на него надевают рясу и камилавку. Такой инок называется рясофорным, или рясоносцем.

Постриг в малую схиму продолжительный. Он делится на две части: оглашение и самое пострижение. В первую часть входит: увещание, произнесение обетов, наставление давшему обеты, молитва и наречение имени; во второй части совершается самое пострижение и облачение.

Обряд пострижения совершается таким образом. При чтении часов постригаемый выводится из храма в притвор. Здесь он снимает с себя все обычные одежды и обувь и надевает власяницу (хитон). После малого входа, при пении тропаря «Объятия Отча отверсти ми потщися» постригаемый вводится в храм и при этом он трижды приклоняется, распинаясь на земле, в трех местах храма. Приводится он к Царским вратам, где на аналое лежит

крест и Евангелие. Игумен выходит из Царских врат и говорит: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии грехами». Потом испытывает его в твердости и добровольности при намерении принять подвиг иночества многими вопросами:

1. Пребудешь ли в монастыре и в постничестве даже до последнего твоего издыхания?

2. Сохранишь ли даже до смерти послушание к настоятелю и ко всей во Христе братии?

3. Претерпишь ли всякую скорбь и тесноту монашеского жития Царствия ради Небесного?

4. Сохранишь ли себя в девстве и целомудрии и благоговении?

На все вопросы постригаемый отвечает: «Ей, Богу содействующу».

Затем постригаемый наставляется (оглашается) в правилах совершеннейшего жития. Игумен говорит, что ему надо очистить себя от всякой скверны плоти и духа, стяжать смиренномудрие, отложить дерзость житейского обычая, пребыть в молитве терпеливым, не расслабляться и в посте, не лениться в бдениях.

И еще говорит:

— Подобает тебе, начавшему путь, ведущий в Царство Небесное, не возвратиться вспять (назад), иначе не будешь управлен в Царство Небесное. Да не предпочтешь что-либо Богу, не возлюбишь ни отца, ни мать, ни братий, ни иных кого-либо от своих, ни даже самого себя да не возлюбишь больше Бога, ни все царства мира, или покоя, или чести...

Постригаемый с клятвою заверяет исполнить обеты монашества. Тогда игумен кладет на голову коленопреклоненного инока Евангелие и молится, чтобы Господь оградил постригаемого силою Святаго Духа и даровал ему терпение. Потом трижды на Евангелие кладет ножницы и повелевает подать их. Каждый раз постригаемый смиренно подает их и целует руку игумена. Затем игумен крестообразно постригает посвящаемого и нарекает

ему новое имя. После пострижения посвящаемый облачается в иные одежды: хитон, параман, рясу, пояс, мантию, камилавку и клобук, сандалии и получает вервицу (четки).

После молитвы и ектении о новопостриженном, после чтения Апостола (Еф. 6: 10–17) и Евангелия (Мф. 10: 37–38; 11: 28–30) иноку вручается крест в напоминание подъятия им креста и последования за Христом (Мф. 8: 34) и зажженная свеча с указанием на учение о свете добрых дел (Мф. 5: 14). Потом бывает целование постриженного и отпуст.

Все одежды монаха имеют отношение ко всеоружию Божию, в которое он облекается для духовной брани (борьбы) против мира, плоти и дьявола.

Власяница (хитон) напоминает обет добровольной нищеты.

Параман — четырехугольный плат с изображением креста и орудий страданий Господа Иисуса Христа. На нем написаны слова: «Аз язвы Господа моего Иисуса Христа на теле моем ношу». Дается он иноку в постоянное напоминание о принятии благого Христова ига и в обуздание всех похотей и плотских пожеланий. Носится он на спине (хребте).

Ряса при облачении называется ризою радования, так как она дается в напоминание обета послушания, которое вводит в блаженную жизнь вечную.

Пояс кожаный возлагается на чресла инока в знаменование препоясания силою истины, умерщвления плоти и обновления духа.

Мантия (паллий) обозначает силу Божию, покрывающую и охраняющую инока. Эта одежда называется ангельскою, а облачение в мантию называется обручением великого ангельского образа.

Клобук (наглавник) называется шлемом надежды спасения, так как инок, подобно воину, надевает его, чтобы спастись от врагов, которые представляются в соблазнах мира.

Новопостриженный монах снимает клобук в шестой день после пострижения. Пять дней он безвыходно молится в храме, ежедневно приобщается Святых Животворящих Христовых Таин, потом его отводят в келью.

Сандалии указывают, что инок должен быть готовым на благое послушание и всякое дело благое и должен быть осторожен, чтобы не преткнуться и не быть угрызенным от злых помыслов.

Четки (вервица) даются для совершения молитвенного правила. Они символически указывают иноку на всегдашнее пребывание

в подвиге молитвы и называются мечом духовным.

Пострижение в великую схиму совершается так же, как и в мантию, только этот чин пострижения отличается большею продолжительностью и торжественностью. К тому же при постриге в схиму отречение от мира выражено еще сильнее: произносится обет полного отречения от мира. Игумен спрашивает:

— Отрекаешься ли ты вторично мира и того, что в мире, по заповеди Господней?

Потом игумен говорит такие слова:

— Отречение есть не что иное, как обещание креста и смерти. Знай себя от нынешнего дня распятым и умерщвленным миру совершеннейшим отречением, ибо ты отрекаешься от родителей, братий, жены, родства, содружества обычного, отрекаешься от мирского мятежа, попечений, стяжаний имений, тщетной и суетной славы... и своей души... Приготовься ко всему скорбному и болезненному, что заключено в радостворном по Богу житии. Будешь алкать и жаждать, нагствовать, терпеть укоризны и досаждения, уничижения и изгнания... и когда все это претерпишь, то радуйся, ибо велика твоя награда на небесах.

Итак, постриг в схиму есть образ смерти для земной жизни и предначатие жизни горней. При постриге в схиму посвящаемый получает новое имя и облекается в схимнические одежды: кукуль и аналав.

Кукуль — это головное покрывало, соответствующее клобуку монахов. Он кругом покрывает голову и плечи, имеет остроконечный верх и украшен пятью крестами, расположенными на челе, на груди, плечах и спине. Кукуль, как и клобук, символически знаменует шлем спасительного упования и указывает на высшую степень совершенства — беззлобие, равное младенчеству.

В восьмой день после пострижения великосхимник снимает кукуль и потом надевает его без повторного благословения настоятеля.

Аналав соответствует параману, но он украшен многими крестами и имеет вид широкой, длинной полосы с прорезью на середине. Надевается через голову и носится на груди и спине.

Украшение кукуля и аналава крестами означает образ жития крестоносного.

Чин пострижения составлен святыми отцами по внушению Духа Святаго. В нем нет ни одного слова, написанного зря. Но многие только отчасти улавливают или догадываются о том, к чему призывается человек, потому что вся сила этих слов заключается в опыте жизни, причем в опыте не лукавом, но искреннем.

Монашеское одеяние

Подрясник

Длинное, закрывающее тело одеяние с длинными узкими рукавами. Своей простотой символизирует нищету, смирение, отречение от мира, целомудрие. Существуют русский, греческий и болгарский фасоны подрясников. Мужской и женский монашеские подрясники одинаковы по своей сути, но при их пошиве важно учитывать разницу в раскрое одежд для представителей разных полов. В официальной обстановке и в храме монашествующие носят черный подрясник, в быту, особенно в летнюю жару, в некоторых монастырях допускаются другие цвета.

Срачи́ца (сорочка, хитон, власяница)

Длинная свободная закрытая сорочка, которую носят под одеждой. Древние подвижники в качестве сорочки носили власяницу – одежду из жесткой шерсти верблюда или овцы, – которая колола тело.

Параман

Небольшой четырехугольный плат черного цвета с изображением креста и других орудий Страстей Христовых. На парамане начертаны слова из послания апостола Павла к галатам: «Аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу» (Гал. 6: 17). Является символом принятия своего креста и следования за Господом. Название «параман» происходит от греческого παραμάντιον или παραμάνδυον, «добавление к мантии». Параман носят на спине, поверх сорочки. Он крестообразно соединяется шнурами с особым параманным крестом, который возлагается, тоже поверх сорочки, на грудь монаха.

Ряса

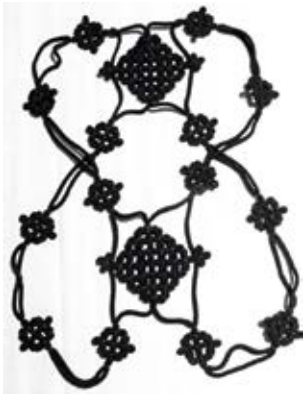
Надевается поверх подрясника. В отличие от него, имеет широкие рукава, находящие на ладонь. Может иметь русский или греческий покрой, иметь подкладку или быть сшитой без нее. Монашеская ряса всегда имеет черный цвет. Слово «ряса» происходит от древнего «бедная, вытертая одежда, рубище». Она символизирует беспопечительность и нестяжание.

Параманный крест

Деревянный крест довольно крупного размера, надеваемый поверх сорочки на грудь и соединяемый шнурами с параманом. Имеет вверху и внизу петли для шнуров.

Пояс

Символ обуздания плоти, подчинения ее духу, а также символ бодрости, собранности. Монашествующие носят довольно широкий кожаный пояс, либо пояс из ткани (цельный или плетеный).



Параман с многокрестием

Плетеный, включает в себя 40 крестов.

Мантия (палий)

Длинный широкий плащ, который спускается до земли, скрывая фигуру. Имеет застежку на вороте. В Древней Руси монахи носили вместо рясы кафтан-однорядку, и мантия была их основным отличительным одеянием. Поэтому древнерусские монахи, выходя из кельи, были обязаны всегда быть облаченными в мантию.

Мантия символизирует отречение от своей воли, от всех мирских и греховных дел (поскольку скрывает руки). Также она напоминает об ангельских крыльях. Еще одно значение мантии – упование на Промысл Божий и милость Господню, которая покрывает служителя Божия и руководит его жизнью.

Монашеская мантия имеет 40 складок, которые символизируют 40 дней, которые Господь постился на горе Искушения. Этим она напоминает монаху о необходимости постничества и терпения искушений и скорбей.

Клобук с наметкой (наглавник)

Представляет собой высокий цилиндрический головной убор без полей, слегка расширяющийся кверху. Он обтянут легкой черной тканью, которая спадает вниз свободным плащом.

Мужской монашеский клобук имеет наметку, разрезанную натрое: две ее боковые части спускаются спереди на плечи, более широкая центральная покрывает спину. Такая форма происходит от древнего обыкновения монахов в определенные моменты богослужения снимать клобук, завязав концы наметки под подбородком.

Женский монашеский клобук имеет неразрезную наметку. В древности вместо клобука монахи носили куколь (от лат. – «капюшон») – головной убор с округлым верхом. Это одеяние пришло и на Русь, где было заменено клобуком в ходе реформы патриарха Никона. Сегодня сохраняется у старообрядцев. Куколь символизировал детскую простоту и незлобие, поскольку похожие головные уборы в древнем мире надевали на младенцев.

Апостольник

Часть облачения монахини. Представляет собой платок особого колоколообразного покроя с вырезом для лица. На затылочной части апостольник стягивается лентой в знак контроля над помыслами. Апостольник свободно спускается на спину и грудь, может достигать пояса или быть несколько короче. В официальной обстановке и во время богослужения монахини ходят в черных апостольниках, в быту в некоторых монастырях они заменяются на белые или серые.

Скуфья

Шапочка округлой формы, закрывающая лоб. Имеет в верхней части складки, образующие крест. Схимническая скуфья украшена вышитыми изображениями херувимов.

Великосхимнический куколь (кукуль)

Мягкий остроконечный головной убор, переходящий в небольшую накидку, закрывающую шею. Напоминает своей формой остроконечный воинский шлем. В последовании пострига именуется куколем беззлобия, шлемом спасительного упования. Святитель Симеон Солунский писал: «Кукуль спускается и спереди на грудь – ради силы мысли и сердца, а также и на спину. Он обшит вокруг червлёными крестами, для того чтобы этим царственным и страшным знамением отгонять врагов, спереди и сзади нападающих на нас».

Схимниками надевается на скуфью, схимницами – на апостольник. На куколе так же, как и на аналаве, вышиты Голгофа, серафимы и текст Трисвятого.

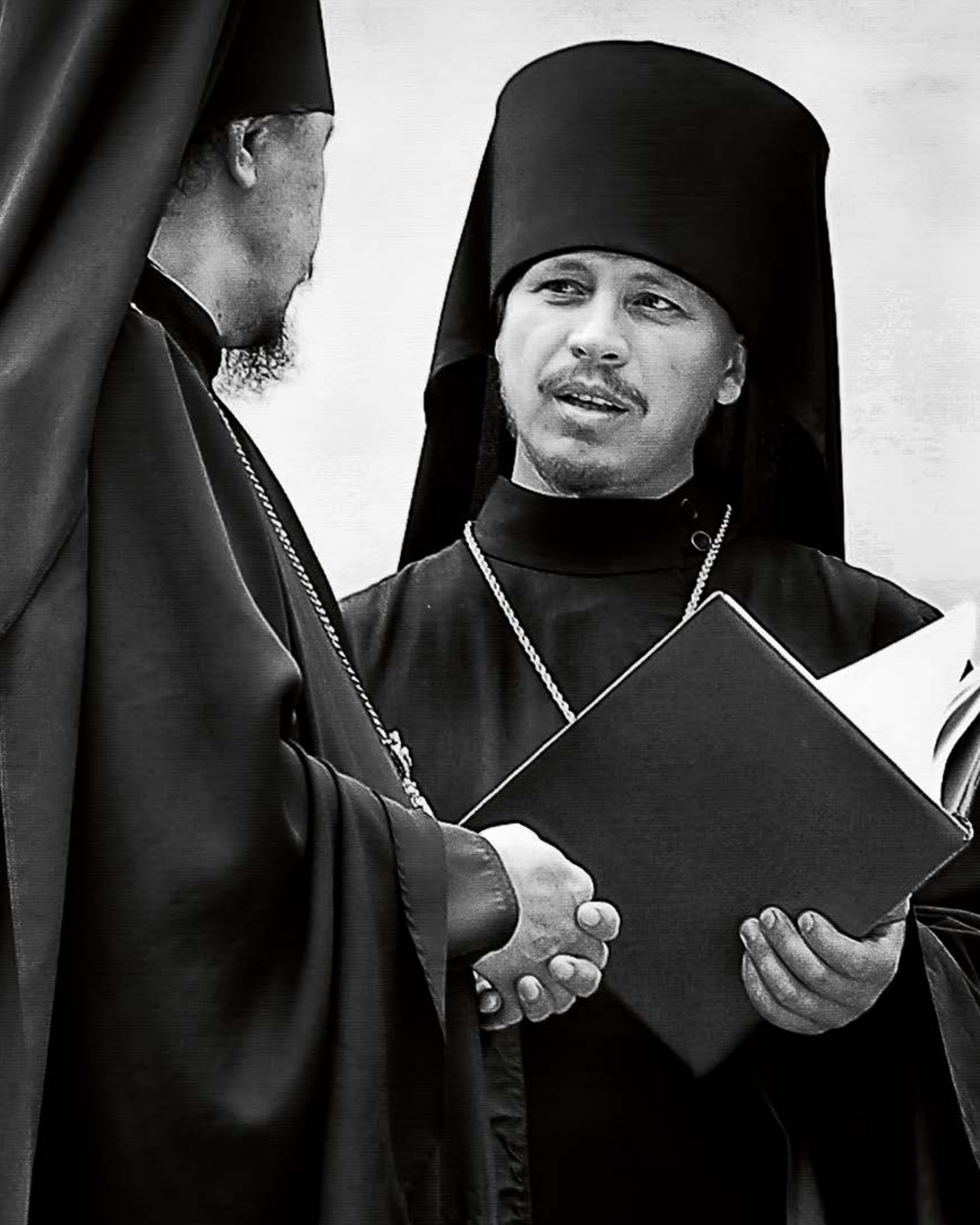
Аналав (большая схима)

Черная ткань крестообразной формы, спускающаяся на грудь, спину и плечи (руки). На ней белыми или красными нитками вышиты 40 крестов, Голгофа, орудия Страстей Христовых, глава Адама, херувимы и молитва: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас», а иногда и другие священные тексты. Малой схимой именуется аналав без боковых полос ткани.

Четки (вервица)

Непременный атрибут монашествующих, напоминающий о том, что монахи (а в идеале, и все христиане) призваны непрестанно молиться. Монашеские четки, как правило, бывают сплетены из черной шерсти или сутажа и имеют сто (иногда более) зерен.

СТЪ
СТЪ
СТЪ
СТЫЙ БОЖЕ СТЫЙ КРѢПКІЙ СТЫЙ
СТЪ
СТЪ СТЪ
ГДЬ БГЪ



Алексей Беглов,
доктор
исторических наук

Непокоренное монашество

Как ученому и как преподавателю, мне периодически приходится сталкиваться с двумя диаметрально противоположными оценками русского православия в Синодальную эпоху, то есть в XVIII–XIX веках. Одна позиция сводится к тому, что никакой подлинной духовной жизни тогда в Церкви, по сути, и не было, а было одно лишь угождение светской власти, что Церковь превратилась (либо ее превратили) в некое оруэлловское «Министерство правды». Вторая позиция, напротив, провозглашает тот период временем величайшего духовного расцвета, временем великих святых — преподобного Серафима Саровского, святителя Игнатия (Брянчанинова), оптинских старцев — и не видит в нем никакого трагизма.

Как это обычно и бывает, в каждой позиции есть своя правда, но правда частичная. Реальная история куда более сложна, противоречива, многопланова. Наиболее ярко эта сложность выразилась в событиях второй половины XVIII — начала XIX веков. Речь идет о так называемой секуляризации церковных земель, которую провело правительство Екатерины Второй.

Напомню, что Церкви (то есть архиерейским кафедрам и монастырям) принадлежало довольно много сельскохозяйственных земель, сёл и деревень. Такое положение дел складывалось веками: князья и бояре в завещаниях

отписывали свое имущество тому или иному монастырю, чтобы там вечно молились за усопшего. Хорошо это или плохо — вопрос другой (и тут во все времена были разные оценки), но факт, что так сложилось исторически. Разумеется, государственная власть издавна хотела воспользоваться этими землями в своих целях — вопрос о секуляризации церковной собственности вставал еще при Иване Третьем, в начале XVI века.

Но до дела дошло только при Екатерине. Согласно указу 1764 года практически все земли у монастырей и епархий изымались и поступали в распоряжение специально созданной при Сенате Коллегии экономии, то есть, по сути, отдавались в казну. Эти земли Екатерина раздавала за верную службу своим «орлам» — так или иначе отличившимся знатным вельможам.

Взамен государство брало монастыри и епархии на свое содержание, выделяло им, как сейчас бы сказали, «бюджетное финансирование». Казалось бы, и волки сыты, и овцы целы?

Нет, вовсе не так!

Дело в том, что размер этого финансирования был чуть ли не на порядок меньше, чем нужно. Точнее, государство компенсировало Церкви примерно одну восьмую часть тех доходов, которых она лишилась из-за изъятия земель.

Как же распределялось это государственное содержание? Были введены так называемые монастырские штаты. То есть все монастыри были разделены на три разряда (как тогда говорили, «класса»). Каждому классу соответствовало фиксированное количество оплачиваемых мест. Лаврам (а их тогда, если не считать территорию Украины, было в России всего две — Троице-Сергиева и Александро-Невская) оплачивалось содержание 101 насельника, монастырям первого класса — до 33, а провинциальным монастырям, отнесенным к третьему классу, — всего 10–15 мест. Реально в монастырях было гораздо больше насельников, и все «лишние» остались без содержания. Если же говорить о величине содержания на одного человека, то оно было крайне скудным. Кстати, для женских монастырей на одно место выделялось в несколько раз меньше средств, чем для мужских, — как будто женщины меньше ели! Но и монахи в мужских монастырях оказались фактически на голодном пайке.

К чему же это приводило на практике? Допустим, было в монастыре 50 человек, а по штату содержать будут всего 10. Что делать остальным? Пахотной земли, чтобы своими руками сеять хлеб, у монастыря больше нет. Оставили ему 4–6 десятин (а это очень мало) на огороды, сады, луга и выпасы. Этого совершенно недостаточно, чтобы прокормить 40 человек. Отец-настоятель собирает монастырскую братию и говорит: «Отцы, ну, вот так получилось. Хотите остаться в монастыре — ищите себе пропитание самостоятельно».

Кого-то, быть может, поддержат родственники, кому-то выделят из оставшихся огородных земель грядку, и он будет с нее кормиться, кто-то, возможно, найдет подработку. Но большинство ничего найти не могли — и уходили из монастырей.

Все это породило глубочайший кризис русского монашества — кризис, который продолжался с 60-х годов XVIII века вплоть до начала века XIX. Кризис означал невозможность вести полноценную монашескую, аскетическую жизнь в обителях Российской империи. Ведь одна из важнейших составляющих монашеской жизни — это так называемый общежительный устав, когда братия монастыря имеет все общее, работает на общих послушаниях, плоды их рук — сельскохозяйственные продукты, рукоделие и тому подобное — складываются вместе, из этого монастырь и сам кормится, и оказывает помощь нуждающимся, как это было, к примеру, в монастыре преподобного Иосифа Волоцкого. Теперь все это оказалось невозможным.

Монахам больше негде и не над чем стало работать вместе. Иначе говоря, основа общинного жития была разрушена, а вместо нее возникло то, что позднее в Греции называли «независимым житием» – «идиоритмом». То есть каждый монах живет сам по себе, вместе они

собираются только в храм на богослужение, а келейная молитва и работа — у каждого отдельно.

Это вело к пренебрежению монастырским уставом и церковной службой. Ревность о Боге у монахов падала. Наиболее активные уходили в лучшие места, остальные... кто-то ухитрялся добывать какие-то средства к существованию, кто-то возвращался к мирской жизни. Многие десятки обителей опустели, многие монастыри превратились в обычные приходские храмы, к примеру, Нило-Сорская пустынь, где подвизался преподобный Нил Сорский. А многие монастыри по распоряжению правительства были превращены в казармы, заводы, дома умалишенных и так далее. Все это, как видим, вовсе не изобретение XX века...

Но тот кризис все-таки не смог уничтожить монашескую традицию в Русской Церкви. Подобно тому, как перегороженная плотиной река пробивает себе другой путь, создает новое русло, так и русское монашество нашло способы не только приспособиться к ситуации, но и во многих отношениях повысить накал духовной жизни, глубже осмыслить то, что ранее, в спокойные времена, воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Первый путь, которым, к примеру, пошел великий православный монах, возродитель традиции старчества преподобный Паисий Величковский (1722–1794), — это эмиграция. Не имея возможности вести полноценную монашескую жизнь на территории Российской империи, люди уходили за ее пределы, в другие православные земли. Это могла быть Святая гора Афон, или же территория нынешней Молдавии и Румынии, или Закарпатье. Горькая ирония судьбы в том, что земли эти были подвластны турецкой Османской империи, с которой Россия во второй половине XVIII века постоянно воевала. Вот и получалось, что православные русские монахи, пересекая границу, формально совершали государственное преступление, переходили на сторону врага. А за такое можно было очень серьезно пострадать, будучи пойманным пограничной стражей.

Если же такие монахи возвращались на территорию России, то у них могли быть серьезные неприятности и по линии Святейшего Синода. Синод не признавал ни монашеских пострижений, ни рукоположений, совершенных за границей. Только впоследствии ситуация изменилась к лучшему: отчасти — благодаря участию екатерининского фаворита Григория Алексеевича Потемкина, который тогда командовал русскими войсками на южном театре военных действий и встречался с преподобным Паисием в Ясах, отчасти — благодаря Петербургскому митрополиту Гавриилу (Петрову), который покровительствовал паисиевским постриженникам.

Тем не менее монахи из этой вынужденной эмиграции зачастую возвращались в Россию, принося и традиции афонского монашества, и книжную культуру, и переводы святоотеческих творений. Это отозвалось уже в XIX веке, когда в Русской земле просияли такие святые, как преподобный Серафим Саровский, как святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, как оптинские старцы (которые, между прочим, имели духовную преемственность от преподобного Паисия Величковского: его ученики были учителями первых оптинских подвижников).

Второй путь, которым шло русское монашество, — это отшельничество, пустынножительство внутри России. Разумеется, не на рубеже XVIII–XIX веков оно появилось, традиции пустынножительства столько же лет, сколько и самому монашеству. Но отшельничество для многих людей, стремившихся к духовной жизни, в те годы оказалось единственным выходом. В монастырь ведь было не попасть — мест нет... А в тех монастырях, куда принять могут, обстановка часто не соответствует высокому призванию православного иночества. Недаром один из духовных наставников середины XIX века прямо не советовал своему ученику поступать в монастырь, говоря: «Тебе здесь не дадут свободы для истинного пути...». Вот и уходили люди в леса, например, в Рославльские леса в Смоленской губернии, как преподобный Зосима Верховский, или в сибирские леса.

Там, в лесах, молодые, ищущие монашеского подвига подвижники встречались с опытными духовными наставниками, и возникали своего рода маленькие лесные монастыри. Монастыри не в смысле каменных стен, а в смысле общего жития, отношений «учитель — ученик», передачи традиций духовного делания. Десятилетия спустя эти ученики — а к тому времени уже зрелые, опытные иноки — приходили в существующие монастыри или основывали новые, принося туда полученный в годы пустынножительства молитвенный опыт.

И, наконец, третий путь, присущий именно женскому монашеству, — создание христианских общин, многие из которых впоследствии стали женскими монастырями. К примеру, знаменитое Дивеево. Дело в том, что способы выживания, доступные монахам-мужчинам, были закрыты для женщин. Нельзя уйти в леса, нельзя убежать за границу. Это считалось крайне предосудительным. Любая

праздношатающаяся группа женщин попадала под очень серьезные подозрения, даже если они объявляли себя паломницами, и могла подвергнуться полицейскому преследованию. Их заведомо подозревали в неблаговидном поведении.

Потому женщины нашли иной путь. Наиболее типичный вариант: благочестивая женщина (чаще купеческая или мещанская вдова, реже дворянка) решает посвятить себя духовному деланию, ведет в своем доме монашеский образ жизни. Вокруг нее стихийно возникает кружок единомышленниц, который потом преобразуется в женскую монашескую общину.

При этом далеко не все было просто и гладко. Такие общины порой вызывали подозрения и у светских, и у церковных властей, случались разные коллизии. Тот же Серафимо-Дивеевский монастырь в качестве монастыря появился только в 40-е годы XIX века, а прообраз его, община, созданная преподобной Александрой Мельгуновой, возникла в 1767 году. Процесс признания общины растянулся на десятилетия. Все это время власти сомневались: а не раскольницы ли это, не смутьянки ли? Можно ли им доверять?

***

Какой же урок мы, современные христиане, можем извлечь из этой «истории про секуляризацию»? Что она для нас — просто преданье старины глубокой или нечто большее? Я думаю, на этом примере мы лишний раз можем убедиться, что сколь бы сильным ни было вмешательство государства в жизнь Церкви, та все равно в итоге выживает, Традиция все равно возрождается, потому что Церковь — это не только «институты», не только «структуры», но — и прежде всего! — мистическое Тело Христово, в котором живет Дух Святой. А Дух дышит, где хочет, и никакие плотины Ему не помеха.

Древнее монашество через призму современности: **разнообразие молитвенного опыта**

Иеромонах Лаврентий (Собко), кандидат философских наук

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что «молитва, по качеству своему, есть обращение и единение человека с Богом: беспрестанное делание, богатство монахов, сокровище безмолвников»[1].

Продолжая свое поучение, прп. Иоанн рассуждает о том, что монахи не захотели ждать Царствия Небесного и войти в него только после Славного и Второго Пришествия Господа нашего Иисуса Христа, но решили уже сейчас уподобиться ангелам, всегда созерцающим Бога. Отчего монашеские обители уподобились райским обителям и по форме и по содержанию? Красота храмовой архитектуры и с усердием украшенная и возделанная территория обители уподобила монахов ветхому Адаму, которому Бог дал послушание возделывать и устроять землю, а устремление к внутреннему человеку соединило монашество с Новым Адамом и соделало монахов подобными ангелам.

Первоначальное монашество возникло в виде отшельничества, или анахоретства. Монахи еще не имели отдельного устава или особых молитв. Все их правило состояло из общеизвестных гимнов и было весьма коротким, не более современных 15–20 минут. Однако такое правило должно было повторяться непрестанно. (Нечто похожее позже предлагал прп. Серафим в качестве правила для мирян.)

Первые из монахов-отшельников почти сразу же столкнулись с невозможностью для человека исполнить слова апостола о непрестанной молитве. По промыслу Божию ангел некогда открыл святому Антонию Великому один из главных принципов монашеского делания — молись и работай. В молитве монах отдыхал от труднических послушаний, а труд в свою очередь давал отдых уму, хотя и соединялся с молитвой и предстоянием перед Богом.

Мирское богослужение изначально состояло из одной лишь вечерни — определенных чтений или молитв, совершаемых после дневных трудов. Монахи же, устремившись вслед за Христом и исполняя совет ангела, постепенно создали то, что мы сейчас знаем как богослужебный круг — череду молитвенных упражнений, равномерно распределенных во временном пространстве дня и ночи.

Монашеское богослужение начинается с девятого часа — воспоминания о Смерти Христовой. Если мы умерли со Христом, то с Ним и воскреснем (Рим. 6: 8). Именно с подобного размышления должен был начинать подвижник каждый литургический день.

Собираясь на службу, монах надевал особые праздничные одежды, среди которых выделялся куколь — символ младенческого незлобия. Монах с благоговением надевал куколь, поцеловав его в «крыльца».

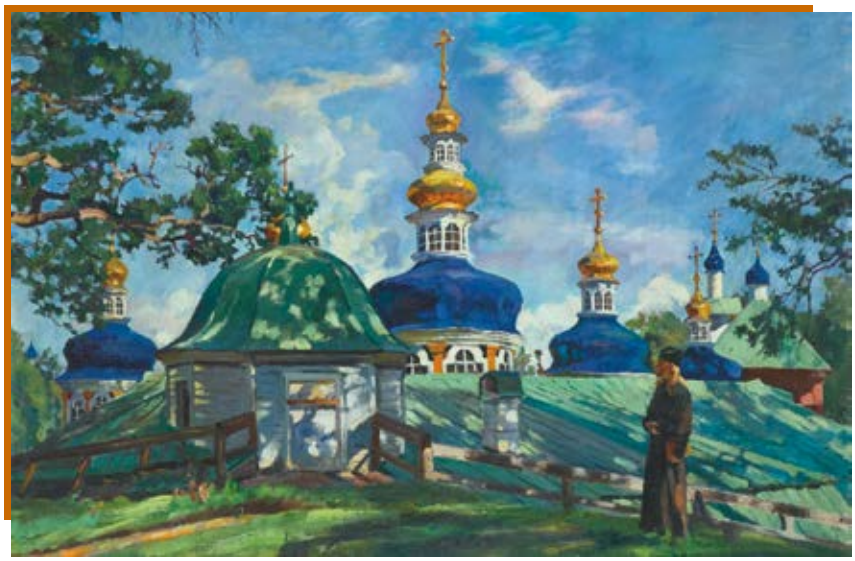
Для лучшего понимания этого обычая нужно сделать пояснение: в древности обычное мирское платье и то, что мы сегодня знаем как монашескую одежду, по покрою или фасону практически не отличались между собой, однако же верующие или монахи четко различали обыденную и праздничную одежду. Пойти в храм в рабочей одежде было сродни тому, чтобы предстать в ней же перед царем.

Надевая такие одежды, монах произносил специальные молитвы: «Достойно есть» с земным поклоном, «Слава и ныне», «Господи, помилуй» дважды и отпуст с тремя земными поклонами. Войдя в храм, монах творил семь земных поклонов с молитвами: «Боже, милостив буди мне грешному», «Боже, очисти

мя грешнаго и помилуй мя», «Без числа согреших, Господи, прости мя», «Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим», «Достойно есть», «Слава и ныне», «Господи, помилуй» дважды, «Господи, благослови» и отпуст. Во время отпуста инок три раза кланялся поясным поклоном Царским вратам, один раз игумену земным поклоном, потом братии на обе стороны и просил благословения у монахов, стоящих рядом.

Преп. Феодосий в «Слове о хождении к церкви» вразумляет братию похожими словами: войдя в церковь, отнюдь не подобает праздно стоять, ожидая начала службы, но стоять со страхом и благоговением, как стояли бы перед земным царем[2].

Воспоминая о том, что сон во многом подобен смерти, и размышляя о своей участи и последнем суде, монахи за повечерием обязательно исповедовали своих грехи друг перед другом и перед настоятелем, а в конце повечерия совершали чин прощения во исполнение



слов апостола Павла: «Да не зайдет солнце во гневе вашем!» (Еф. 4: 26).

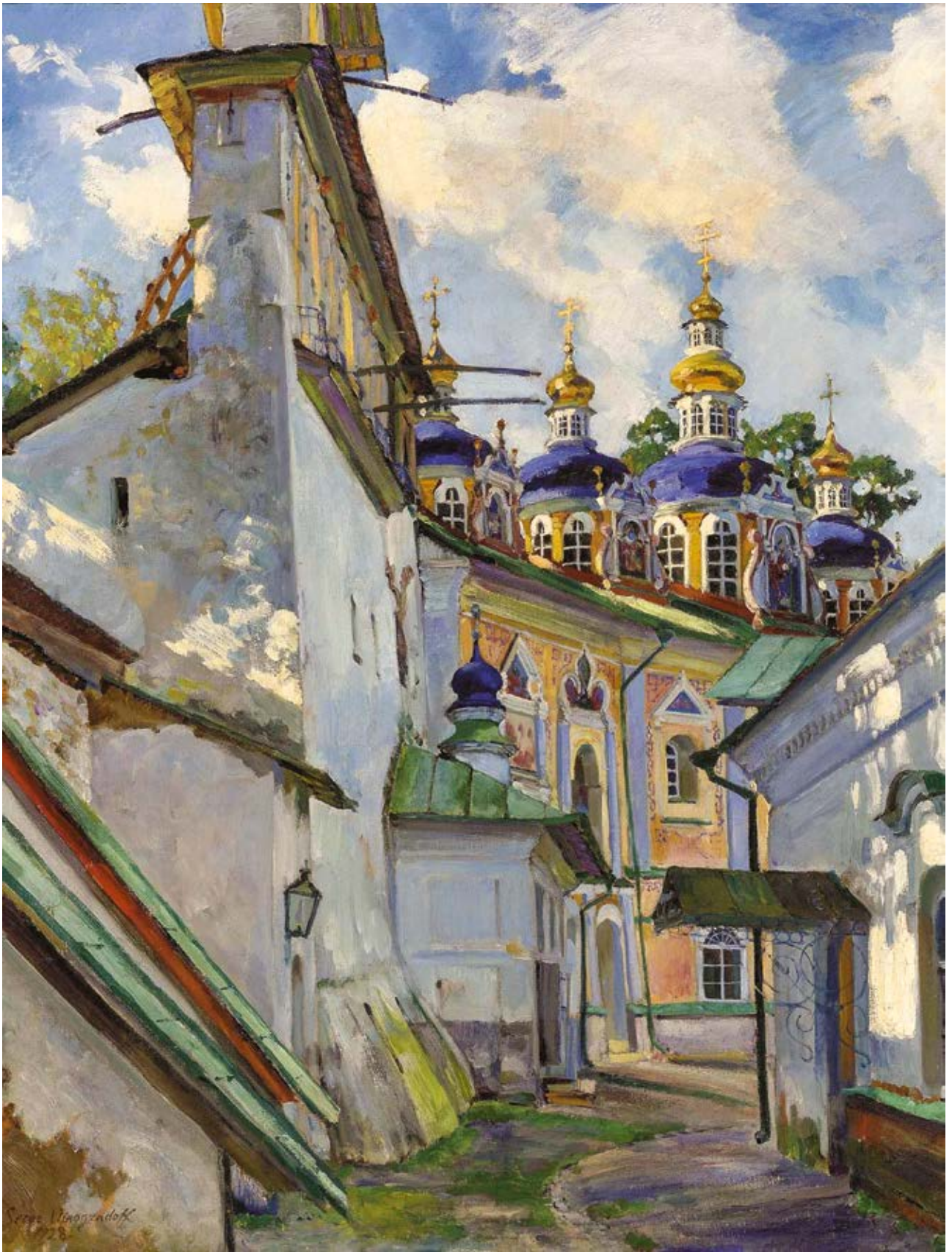
В это же время за повечерием был обычай краткой доверительной беседы братьев с игуменом. После повечерия вспоминали и иного игумена — основателя или первого настоятеля своего монастыря — и ходили просить прощения и благословляться на его могилу. Здесь, у раки, читали начальные молитвы, тропарь главному храмовому празднику обители (например, в Киево-Печерском монастыре — Успению) и преподобному.

Подойдя ко гробу святого, творили три земных поклона с молитвой: «Прости мя, Отче святый преподобне [Феодосие], благослови и помолись о мне грешнем», — и прикладывались к раке. Отступив от нее, опять читали ту же молитву, клали земные поклоны, кто сколько хотел, и в молчании расходились по кельям. До сна уже не ели и не пили, даже воды; исключение делалось только для больных и немощных. Разговаривать после повечерия тоже было не принято ради памяти смертной, как было уже сказано выше.

Утреня начиналась в монастырях перед восходом солнца. В древности был обычай, чтобы Великое славословие совпадало с его восходом. В начале утрени обычно пелись шесть особых покаянных псалмов. О характере и манере этого пения в полной мере свидетельствует следующий отрывок из Типикона: «*Да поет еклисиарх екзапсалмы косно и елико мощно есть с сокрушением и со вниманием. Такоже и вси в себе якоже самому Богу беседующе и о своих молящеся гресех. Подобает же ему кротким и тихим гласом пети, во услышание всем. Покашляти же или плюнути или всяко от места своего преступити или прейти или из внешнего притвора в церковь внити, егда поются екзапсалмы, не имать никтоже области... Аще ли кто старостию преклонился есть, или недугом одержим, и не может сохранитися, якоже прежде рехом, да пребывает таковый пред церковию до скончания екзапсалмов, и потом да входит*»[3]. (Здесь и далее орфография и пунктуация сохранены. — *Ред.*)

Как можно видеть из этого и других мест, Псалтирь в древности не читалась, но специальным образом пелась, причем это пение не было безэмоциональным, как сейчас иногда чтение, — каждому из псалмов или песнопений предписывалась своя манера исполнения, грустная или радостная, торжественная или умилительная. Вероятнее всего, за основу были взяты греческие образцы — демественное пение, получившее свое имя от так называемых «доместиков» — распевщиков, знатоков церковных мелодий. Обычай распевать псалмы до сих пор сохраняется в некоторых греческих и румынских монастырях.

Литургия, или обедня, в основном совершалась примерно тем же образом, что и сейчас. Отличием монашеской традиции было то, что молитва «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос — Сын Бога живаго...», которую сейчас читают перед Чашей, раньше произносилась в начале Литургии Верных на Великом входе и начинала евхаристический канон как моление о Чаше.



После литургии братия шла на обед (отсюда и название). Далее был дневной сон (около двух часов) и начинался новый день. Интересно, что в это время ворота были накрепко закрыты и не открывались даже для князя: «*Да по отъедении обеда не отверзаетъ вратъ никомуже, и никтоже пакы да не входит в манастырь, дондеже будяше годъ вечерний (пока не станут созывать к вечерне), яко да полудьнию сущю почиють братия нощьныхъ ради молитвъ и утреняго пения*»[4].

Очевидно, что все богослужения посещала не вся братия. Часть приходила на одни, а часть — на другие. Например, те, кто работал в поле, не посещали вечерню и литургию, а ходили только на утреню, будучи освобождены от полунощницы для отдыха после утомительного дня. Если внимательно вчитываться в богослужебные тексты монашеского уставного богослужения, то можно заметить некоторую избыточность богослужений — многие чтения и псалмы повторяются несколько раз в течение дня. Подобная избыточность иногда даже подвергается богословской критике или с практической стороны служит поводом для сокращения службы: зачем читать то, что уже было прочитано. Однако изначально подобная избыточность как раз и была направлена на то, чтобы инок, пропустивший ту или иную службу, практически без потерь восполнил этот пропуск на следующей. Неукоснительное посещение абсолютно всех служб и сегодня во многих восточных монастырях является необязательным.

В древней Руси или до нее на православном Востоке не было отдельного келейного монашеского правила. Таким келейным правилом (для всех разным) становилась та или иная часть дневного богослужения.

Так, в житии Феодосия Печерского упоминаются некие «обанадесятепсалма», которые пелись «по обычаю». Действительно, в старопечатных канониках можно встретить «*Чин, како подобает пети дванадесять псалмов особь, ихже пояху преподобнии отцы пустыннии во дни и в нощи, о нихже воспоминается в книгах отеческих житиях и мучениих святых многих*»[5]. Его состав был следующий — по обычном начале

Пс. 26, 31, 56, 33, 38, 40, 69, 70, 76, 101, молитва Манассии и (вместо 12-го пс.) Славословие великое и молитва св. Евстратия; после каждых трех псалмов Трисвятое, 3 покаянных тропаря с Богородичным и «Господи, помилуй» 30 раз.

Печерский патерик неоднократно упоминает о чтении Псалтыри именно в качестве келейного занятия. Вот пример: «*Сий же, жито ссыпав в суды, нача молоти, поя Псалтырь изусть*»[6].

Здесь мы практически вплотную подходим к смыслу совершения монашеского богослужения или даже к самой идее пребывания монаха в единении с Богом, которую можно выразить словами псалмопевца: «Пою Богу моему дондеже есмь!» (Пс. 103: 33). В настоящее время можно услышать такие выражения «отстоять службу», «присутствовать за литургией», однако для монаха подобные выражения совершенно неприемлемы. Он сам и есть совершитель служения Богу! Зачем же он останется всего лишь зрителем и слушателем при специально обученных чтецах и хористах, ведь всего этого можно достичь и в приходском храме?!

Как указывает свт. Феофан в своем труде «Древние иноческие уставы», послушники при поступлении в монастырь должны были знать наизусть Псалтирь, а при постриге — четыре Евангелия. Игумения Иулиания (Каледа) в своем докладе о коптском монашестве, произнесенном в г. Саров в 2019 г., отмечает, что традиция исполнения псалмов наизусть до сих пор сохраняется в египетских монастырях: «Чтение псалмов в храме распределяется так: монах или монахиня обходит всех по одному, говоря каждому первый стих псалма, который он должен прочесть. Примечательно, что каждый монашествующий должен продолжить чтение псалма, услышав лишь его первый стих. Данная практика говорит нам о том, что и сегодня иноки знают Псалтирь наизусть»[7].

Монашеское богослужение всегда было назидательным и воспитательным средством для того, чтобы приобрести «ум Христов» (1 Кор. 2: 6). Механическое присутствие за богослужением этого отнюдь не гарантирует.

Соединение со Христом и в монашеских обителях происходило не только через обязательное личное чтение богослужебных текстов, но и через чтение и слушание поучений. Вот что говорит об этом Типикон: «*Подобает ведати, яко во святую и великую Неделю Пасхи начинается еже от Иоанна Евангелие, и чтется до Пентикостиа. Толкования же того Евангелия Златоустова чтутся на утренях, в тыя дни. От недели же Пентикостиа, до месяца септемвриа, чтется еже от Матфея Евангелие, того же толкования Златоустаго чтутся на утренях. От нового же лета, сиречь, от недели яже по Воздвижении, до недели Сырныя, чтется еже от Луки святаго Евангелие. На утренях же чтется толкование Феофилактово, Метафраст Логофетов, и толкования посланий святаго апостола Павла, яже от Златоуста. Такожде и Маргарит Златоустов. От первыя же недели Четыредесятницы: в субботах и неделях, чтется еже от Марка Евангелие. На утренях же Шестодневник Златоустов. В прочие же дни на всякую утреню прочитываются четыре чтения, два во святом Ефреме, и в Лавсаице два. Лествицу же чтем на часах. На трапезе же чтутся чрез все лето жития и патерики*»[8].

Житие Феодосия Печерского повествует о том, что сам преподобный читал эти поучения или их же читал вместо него преподобный Никон. Это уточнение не случайно. Место и характер чтения поучений указан в уставе Недели мытаря: «*аще тамо (в притворе) есть игумен, чтутся от него; аще же ни, то от екклисиарха, стоящим и со вниманием послушающим братиям*»[9]. Так как эти поучения носили образовательный характер, то и читать их должен был образованный и авторитетный чтец (многие из поучений начинаются игуменским обращением «Братия мои и отцы»). Интересно и упомянутое не богослужебное место чтения поучений — притвор. По окончании подобного назидательного слова уставом допускалось и обсуждение.

В этом смысле — педагогическом и назидательном, — кроме прочего, стоит рассмотреть и вопрос о соединении монашества и священства.

В раннехристианской монашеской традиции такое соединение не только не поощрялось, но и было иногда напрямую запрещено, о чем упоминает в своем исследовании митрополит Иларион (Алфеев)[10]. Подобное запрещение было призвано препятствовать разобщению или разделению братии монастыря по чинам и званиям. Даже сам игумен монастыря был равен во всем братии и исполнял с ними общие трудовые и богослужебные послушания. (Об остатках этой традиции мы можем прочесть в житии преподобного Сергия.) Священника же в то время приглашали только для совершения литургии, или же иногда братия отправлялась ради причащения в ближайшую церковь.

Подобный обычай имел под собой в том числе и указанное выше педагогическое обоснование — монах не должен быть лишь зрителем на богослужении, а должен быть его совершителем. Для этой цели в монашеской традиции появился так называемый Скитской устав (перенесенный на Русь с Афона) — обычай совершать богослужение без священника, начиная его словами «Молитвами святых отец наших...». (Эти слова мы постоянно встречаем в житиях и патериках.) Местом совершения подобного богослужения могла быть специальная небольшая часовня, келья или даже место исполнения послушаний. От такого богослужения не требовалось особой мелодичности или красоты, целью было именно погружение в слова молитв и канонов и назидание от понимания прочитанного.

В упомянутом выше докладе игумении Иулиании говорится о том, что в современной египетской традиции на буднях богослужение совершается в многочисленных малых церквях обители, а в праздничный или воскресный день вся братия приходит в большой соборный храм. Такой подход позволял каждому монаху лично участвовать в богослужении и, в то же время, не лишал братию торжественности и красоты праздничных песнопений.

Неудобство для белого священства в совершении монастырских богослужений привело к тому, что в обителях

со временем все же появились свои иеромонахи и иеродиаконы, однако их число во многих монастырях оставалось весьма умеренным — два или три на всю братию, в остальном же рядовые богослужения совершались все тем же скитским чином. Подобные церкви, иногда весьма красивые, но с монахом (не иеромонахом), вместо священника читающим или поющим чинопоследования и молитвы, можно встретить и сегодня, например, во время паломничества по Святой Земле.

«Монастырь — общество борющихся с собою Царствия ради Небесного»,[11] — учит нас свт. Феофан Затворник. «Упражнение иноков... состоит в изучении всех заповеданий, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу»,[12] – наставляет нас свт. Игнатий Брянчанинов. И усвоение, и борьба возможны только через личное и сознательное участие в богослужении и через это в соединении со Христом.

В подведении итога наших размышлений обратимся к словам Святейшего Патриарха Кирилла: «Как в архитектуре монастыря храм находится в его центре, так и в повседневной жизни монаха служение Богу, полная отдача себя Господу занимает центральное место. Молитва, находясь в центре жизни монашествующих, определяет главное направление монашеской жизни»[13].

Примечания и ссылки:

1. Лествица, возводящая на небо / преп. Иоанн Лествичник. — 8-е изд. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — С. 394.
2. Преподобные отцы наши Антоний и Феодосий Печерские. — Киев: Українські пропилеі, 2002. — С. 223.
3. Типикон, сиесть устав. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002 - С. 63.
4. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. — СПб.: Наука, 2000. Т. 9: — С. 384.
5. Амвросий (Орнатский). Древнерусские иноческие уставы / Амвросий Орнатский, епископ. — Иосифо-Волоцкий м-рь, 2001 – С. 234.
6. Киево-Печерский патерик. Подготовка текста Л. А. Ольшевской, перевод Л. А. Дмитриева // http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945#
7. Игумения Иулиания (Каледа). Молитва как основное делание монашествующих // https://diveevo-monastyr.ru/articles/molitva-kak-osnovnoe-delanie-monashestvujushhih-primer-sovremennyh-monastyrej-egipta/
8. Типикон, сиесть устав. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002 - С. 57.
9. Там же, С. 821.
10. Митрополит Иларион (Алфеев) о современном монашестве // https://bogoslov.ru/article/3519702
11. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. — М., 1898. — С. 199.
12. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. — СПб., 1905. — С. 564.
13. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Собрании игуменов и игумений Русской Православной Церкви // http://www.patriarchia.ru/db/text/4621772.html

2 июля

Митрополит Георгий наградил преподавателей и сотрудников Нижегородской духовной семинарии медалями и грамотами

2 июля в семинарском храме в честь святителя Алексия, митрополита Московского, в рамках празднования 300-летия Нижегородской духовной семинарии, её ректор, митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий совершил Благодарственный молебен.

По окончании молебна из рук Владыки Георгия преподаватели и другие сотрудники семинарии получили награды: учрежденные в Нижегородской епархии медали святого благоверного князя Георгия Всеволодовича III степени, архиерейские грамоты и благодарственные письма.

Обратившись к собравшимся со святительским словом, митрополит Георгий поздравил всех с 300-летием духовной школы, а ее сотрудников – с получением заслуженных наград.

4 июля Божественная литургия в кафедральном соборе Нижнего Новгорода

4 июля в кафедральном соборе в честь святого благоверного князя Александра Невского была совершена Божественная литургия. Богослужение, приуроченное к празднованию 300-летия Нижегородской духовной семинарии, возглавил председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

Его Высокопреосвященству сослужили митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, ректор семинарии, митрополит Саранский и Мордовский Зиновий, викарии Нижегородской епархии епископ Балахнинский Илия и епископ Дальнеконстантиновский Филарет, епископ Ардатовский и Атяшевский Вениамин, епископ Городецкий и Ветлужский Августин, епископ Выксунский и Павловский Варнава, епископ Лысковский и Лукояновский Силуан, председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви протоиерей Максим Козлов, секретарь Нижегородского епархиального управления и ключарь Александро-Невского собора протоиерей Сергий Матвеев, первый проректор семинарии иерей Виктор Плаксин, выпускники Нижегородской духовной семинарии в священном сане, клирики Нижегородской митрополии.

Вместе с прихожанами на богослужении молились администрация, преподаватели, студенты и выпускники Нижегородской духовной семинарии и Центра подготовки церковных специалистов «Покров».

В ходе богослужения были совершены священническая хиротония диакона Иоанна Ревягина и диаконская хиротония иподиакона Александра Макарова. Они оба являются выпускниками Нижегородской духовной семинарии.

По окончании литургии выпускники Нижегородской духовной семинарии и Центра «Покров» приветствовали архипастырей и протоиерея Максима Козлова, поблагодарили их за визит и совершенное богослужение, пожелали помощи Божией и многая и благая лета.

Митрополиту Георгию выпускники выразили особую благодарность за заботу о духовных школах.

Владыка Георгий, обратившись к собравшимся, поблагодарил собратьев-архипастырей и председателя Учебного комитета Русской Православной Церкви за визит и совместные молитвы.

Митрополит Иларион зачитал собравшимся приветственное послание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Сущность и цель **монашества**

Цель каждого сознательного христианина — спасение души в Царстве Божием, вечная жизнь с Отцом Небесным.

Монашество есть один из путей достижения этого Царства. В сравнении с путём брачным монашество является ещё и путём к совершенству, к святости Господней. Потому что монах, уходя от мира и его забот и попечений, целиком и полностью добровольно вручает свою жизнь Богу, чтобы Он, Который как никто другой знает верный путь в Свои Обители, привёл в них человека.

Человек создан как свободное существо, вольное выбирать свою судьбу. Эта свобода — величайший дар Господень, дар, который ограничил даже Его Собственную волю. Потому что Бог не может поставить человека в жёсткие рамки — «делай только так и никак иначе». Напротив, человеку дан настолько широкий спектр «полномочий», что он даже может выбрать жизнь совсем без Бога. На первый взгляд, монашеский путь — это жёсткие рамки, шаг влево-вправо за которые неминуемо жестоко карается. Но по факту, человек просто избирает путь достижения

небесных благ. «Способ» же достижения указан Самим Господом Иисусом Христом в Евангелии: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16: 24). Бог не принуждает нас, а предлагает путь спасения — «если кто хочет», кто не хочет — не ходите, все люди свободны. Монах идёт за Богом по своей свободной воле.

Человек, ушедший от мира, не испытывает к нему ненависть. Правильнее сказать, не испытывает ненависть к человечеству как к таковому, а напротив, берёт на себя

Истинный монах — это тот, кто находится ближе остальных к Господу Богу.

колоссальный подвиг молитвы за весь человеческий род — и за живущих, и за тех, кто за себя уже молиться не в состоянии. Монах постоянно пребывает в молитве, то есть в общении с Богом. Поэтому ему может быть открыто гораздо больше тайн Божиих, нежели простому человеку. Именно через таких усердных и искренних молитвенников Господь что-то открывает и нам, надо только прислушиваться к их словам. Тут же может возникнуть вопрос о находящихся в прелести, но, по моему мнению, человеку, живущему трезвенной церковной жизнью (в самом обширном смысле этого слова), не составит труда отличить прозорливца от прельщённого, воспользовавшись святоотеческим наследием.

Итак, истинный монах — это тот, кто находится ближе остальных к Господу Богу. Но почему так получается, что происходит деление на «приближённых» и «остальных»? Вероятнее всего, дело кроется в сердце человеческом. Господь призывает к себе всех, зовёт нас в Своё Царство, но у одних сердце либо очерствело, насмотревшись на мирское неблагополучие и несправедливость, либо обленилось, либо просто не хочет отвечать на призыв Божий, потому что в этом мире и без Создателя живётся совсем неплохо: у меня есть всё, ничего больше и не нужно. Но известен факт, что сколько бы человек материально не обогащался, ему всё время будет мало. Всегда. Потому что есть внутри нас такая нужда, которую удовлетворить ничем материальным и мирским не получится — ни деньгами, ни бесконечными успехами, ни беспредельной известностью и т. п., ведь со всем этим придётся расстаться, это всё станет вдруг ненужным и бесполезным. А та пустота, которую пытался человек заглушить мирскими благами, так и останется ничем (и никем) не заполненной. Тот же, кто, ощутив в себе эту беспредельную потребность чего-то не от мира земного, начинает искать удовлетворения именно этой потребности. А когда находит, то уже никогда расстаться с этим не может. Да и не захочет. Его сердце не такое гордое, что боится признать свою недостаточность, неполноценность (в некотором духовном смысле), оно способно видеть и чувствовать других людей, их беды и радости. Вот такое сердце оказывается более восприимчивым к Божьему призыву. Здесь уже нет смысла описывать, что именно находит человек, вернее, Кого. Потому что эта пропасть внутри него начинает наполняться и наполняться. А потом польётся через край и захочется со всеми этим поделиться. Вот тогда человек и берёт на себя крест молитвы за всех людей в мире, потому что он приобщился Любви, и по любви хочет, чтобы каждый из созданий Божиих «не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 15).

> *Монах — это человек, познавший Бога и Его беспредельную любовь к каждому из Своих творений и поэтому желающий ответить Господу взаимностью.*

На мой взгляд, монах — это человек, познавший Бога и Его беспредельную любовь к каждому из Своих творений и поэтому желающий ответить Господу взаимностью. «Удобнее» всего это сделать, когда ничего постороннее не мешает. А чтобы не мешало, монах просто отказывается от всего, что тем или иным образом создаёт помехи к достижению его цели — ко встрече со своим Создателем.

Иерей Виктор Кравцов, *выпускник Нижегородской духовной семинарии 2021 года*

Монашество в годы Петра Великого

Со времен Крещения Руси очагами духовной жизни русского народа считали монастыри. Православный люд верил, что по молитвам великих русских подвижников Русская земля стоит. С этим мнением начинает бороться первый русский император — Петр Алексеевич Романов. Всю свою политику он направляет на извлечение государственной пользы. И вот как раз в монастырях Петр проку не нашел. Царь требовал от них зримых «польз» и «прибылей», но тем самым только расстраивал жизнь монашествующих. Но не стоит думать о Петре как о ледоходе, который идет сквозь метровые слои льда, не замечая его. Государь замечает, что монашество становится невежественным, монахи уклоняются от исполнения своих обетов. В подтверждение этому историк Сергей Князьков в своей работе проявляет особую скорбь к монашеству того времени. Он пишет: «Богослужение, молитва, послушание, подвиги и воздержание уступили в монастырях первенствующее место пьянству, безначалию, разнузданности, страсти к наживе»[1]. Наверное, не зря в глазах Петра загорелся огонь на жизнь и уклад монашествующих. Возможно, что не напрасно император называет монахов «тунеядцами».

В монастырях Петр видит остатки старомосковской партии, которые ему совсем были не по душе. Он будет делать все, чтобы эти остатки ликвидировать. Одним их первых

шагов к этому стало восстановление монастырского приказа в 1701 году. Этот документ регулировал архиерейские, монастырские и другие церковные вотчины. Лишь малая часть доходов от церковных земель шла на содержание архиерейских домов и монастырей. А все остальные деньги шли в государственную казну.

С приходом к власти Петра Алексеевича выпускались один за другим указы об описи имущества монастырей и точное определение количества монашествующих. С началом Синодальной эпохи монастырь столкнулся с резким урезанием корпорации среди насельников. Так пишет преподаватель истории Русской Православной Церкви в Сретенской академии протоиерей Владислав Цыпин: «В каждом монастыре дозволялось оставить столько монахов, сколько требовалось для совершения богослужения и управления имениями. Так впервые на Руси начали вводиться монастырские штаты»[2]. Постриг и вовсе разрешался только на убылые места. А в 1721 году монастырям запретили вести собственное летописание.

К выпущенному в 1720 году «Духовному регламенту» Феофан Прокопович в 1722 году издает «Прибавление...». Мнения историков сходятся. Они считают, что «Прибавление» нужно было для того, чтобы ограничить свободу поступления в монастырь. Так, например, историк Русской Церкви Александр Павлович Доброклонский писал: «Прибавление к Духовному регламенту» указало точные правила касательно пострижения; именно: не постригать в иноки моложе 30 и инокини — моложе 50–60 лет, исключение дозволено только с особого разрешения Святейшего Синода»[3]. Военнослужащим и чиновникам вовсе запрещалось стричься в монахи. А неграмотные принимались в обитель только с ведома царя. «Прибавление» возбранило

строительство новых скитов, а монастыри строили с благословения Синода.

Царь-реформатор не смог обойти стороной и внутренний устрой монастырской жизни. В «Прибавлении», по указу государя, Феофан прописывает обязательность общежительного устава. Инокам запрещают писать завещания и подметные письма. Поэтому у них из келий изымают бумагу, чернила и перья, но послабления были. «В случае нужды они могли писать в покоях настоятеля под его присмотром»[4]. Также монахам запрещалось переходить из обители в обитель, а настоятели были обязаны вести учет братии. А если кто осмелится бежать, то его заковывали в кандалы.

Но не всем монашествующим так худо жилось. Ученые монахи считались привилегированными. Им доставалась лучшая одежда и еда. Также их могли поощрить денежным вознаграждением. По замыслу императора, рассадником ученого монашества в России должна была стать Александро-Невская лавра. «Ее наместники становились кандидатами на замещение высших церковных должностей, в том числе и архиерейских кафедр»[5].

Подводя итог сказанному, стоит отметить что, несмотря на давление светской власти в области церковной жизни и монастырей, русские обители не оскудели благочестивыми иноками. Одни из них остались сокрытыми от мира, подвиги других были явлены людям и сохранились в церковной памяти.

Диакон Александр Макаров, *выпускник Нижегородской духовной семинарии 2021 года*

Примечания и ссылки:

1. Князьков С. Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. М.: Планета, 1991. С. 470.
2. Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейшие периоды / 4-е из. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 43.
3. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. — М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. С. 722.
4. Протоиерей Владислав Цыпин. Цит. соч. С. 44.
5. Там же. С. 44.

4 июля В Нижегородской духовной семинарии состоялся выпуск

4 июля в Александро-Невском кафедральном соборе Нижнего Новгорода после Божественной литургии, приуроченной к празднованию 300-летия Нижегородской духовной семинарии, её выпускники получили дипломы об окончании обучения.

Документы вручил председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, возглавлявший богослужение в кафедральном соборе.

В этом году обучение в семинарии завершили 8 студентов очного отделения, 50 – заочного, 17 – магистратуры.

После богослужения и вручения дипломов в нижегородском концертном зале «Юпитер» состоялся торжественный акт, посвященный 300-летию Нижегородской духовной семинарии и выпуску 2021 года.

Иеромонах Василий (Росляков) – образец современного монашества

Иеромонах Василий (в миру Игорь Иванович Росляков) родился 23 декабря 1960 года в Москве, в обычной семье. С детства был примерным и усердным. В 9 лет стал заниматься плаванием. Хотя мать его и была верующей, но воспитание советской школы наложило отпечаток на юношу — с детства он в Бога не верил. В 19 лет он потерял отца и стал задумчивым и молчаливым. Проявлял интерес к историческим фактам и писал стихи.

Далее учился в МГУ на факультете журналистики и выступал на международных соревнованиях по бобслею. Во время учебы в МГУ впервые посетил храм и познакомился с служившим под Псковом иеромонахом Рафаилом, который оказал на жизнь юноши сильное влияние.

Игорь стал постепенно посещать храм, молиться, поститься, читать творения святых отцов. При этом не оставлял работы и спорта. В один из летних отпусков он уехал на послушание в Псковский монастырь, где старец Иоанн Крестьянкин посоветовал ему стать монахом.

Мать Игоря была против, но он не оставлял своего намерения. Впервые он причастился на Пасху, в 1985 году. В очередной отпуск Игорь отправился в монастырь — Оптину пустынь. Он очень полюбил эту обитель и не хотел уезжать, но, посоветовавшись со священником, решил съездить в Москву, чтобы успокоить мать и урегулировать необходимые мирские дела. Мать же подумала, что он хочет поработать там журналистом, и не стала возражать. Вернувшись в Оптину, Игорь проходил разные послушания, вплоть до дежурства на вахте и разгрузки кирпичей. Затем нёс послушание летописца. Стал послушником 16 июля 1989 года, пострижен

Иеромонах Василий (Росляков)

в иночество 5 января 1990 года с наречением Василием — в честь святителя Василия Великого.

Игорь и до пострига, пока был в монастыре, вёл строгий образ жизни, постился

до изнеможения, ходил в кирзовых сапогах, которые ему были велики, а после постригa стал особенно строг к себе: постелью у него была раскладушка с положенными на неё досками и войлоком, стулом — широкий чурбак, подушкой — два кирпича. 23 августа этого же года состоялся постриг инока Василия в мантию в честь Василия Блаженного, Московского.

Студент Игорь Росляков

Отмечая важность телесных подвигов, отец Василий говорил: «Сейчас иное время, и мы не в силах нести тех подвигов, которые возлагали на себя древние, но понуждать себя просто необходимо. Хотя я и немощен, но сердце моё жаждет древних монашеских подвигов, в коих спасались святые Отцы наши». Он любил более молчать, а когда получал упрёки в горделивом молчании, отвечал, что не может общаться одновременно с людьми и с Богом, хотя и желает общения с ближними, по заповеди. Несмотря на внешнюю угрюмость, часто говорил другим: «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на Небесех» (Мф. 5: 12).

Был строг и в исполнении келейного монашеского правила, даже в отъезде, если не успевал днём, вычитывал всё ночью. Приводил в пример слова Василия Великого, что «монах, не читавший часов, в день тот не должен и пищи вкушать. Ибо молитва есть пища для души. Коль о теле своем заботимся, тем паче же будем заботиться и о душе». Впрочем, он никогда не укорял братию за неисполнение правила, считая во многом себя нарушителем монашеских обетов. Задерживаясь на трапезу из-за исповеди или служения панихиды, он нередко получал ответ, что всё уже съели, и был доволен стаканом кипятка с хлебом. Великим же постом принимал пищу раз в день, при этом мог съесть немного хлеба и горсть кислых ягод.

По словам отца Василия, монашество заключается не в чёрных одеждах и не в количестве земных поклонов, а в покорности воле Божией и принятии всего, что происходит, за Его волю. Нужно «не роптать, а за всё благодарить. Милость Божия даётся даром, но мы должны принести Господу всё, что имеем».

8 апреля 1990 года монаха Василия рукоположили в иеродиаконы, а 9 мая ему поручили первую проповедь. Обнаружив в нём большой талант слова, начальство стало часто ставить его проповедовать. Кроме проповеди, ему было поручено впоследствии составить службу Оптинским святым, но окончить её отец Василий не успел.

21 ноября этого же года его рукоположили во иеромонахи. Отец Василий любил молитву и уединение, а с возложением на него обязанности пастыря уединяться стало сложнее. Он разрывался между этими двумя подвигами. Тем не менее везде преуспевал. Как пастырь, он всякий раз на исповеди сочувствовал собеседнику, пропускал через своё сердце беды и проблемы, плакал о чужих грехах и тем вызывал покаяние у кающихся.

В духовной жизни отца Василия, как, наверное, у всех христиан, были кризисы, но важно в них то, как мы к ним относимся. Непонимание и грусть матери, трудности монашеской жизни порой приводили его сердце в сильную тоску. Особенно это проявилось перед его мученической кончиной в 1993 году.

В одном из своих стихотворений отец Василий пишет:

«Покажи мне, Владыка, кончину мою,
Приоткрой и число уготованных дней,
Может, я устрашусь оттого, что живу,

Беседа

И никто не осилит боязни моей.
Приоткрой и потом от меня отойди,
Чтобы в скорби земной возмужала душа,
Чтобы я укрепился на крестном пути,
Прежде чем отойду, и не будет меня».

Действительно, здесь очень важно, что порой Господь как будто не слышит наших молитв, и уныние окутывает душу. Но это бывает попущено Богом не только из-за грехов, но и для духовного совершенствования, чтобы *«душа возмужала и окрепла на крестном пути»*.

Отец Василий, возможно, предчувствовал мученическую кончину. В молодости, ещё только начиная христианский путь, он сожалел, что сейчас никто не умирает за Христа, а ему бы очень хотелось получить мученический венец.

В пасхальное утро 18 апреля 1993 года отправился он по послушанию в скит — исповедовать причащающихся на средней скитской литургии. По пути услышал колокольный звон — звонили иноки Ферапонт и Трофим. Звон вдруг неожиданно оборвался. Отец Василий направился к звоннице. Навстречу ему шёл незнакомый человек, который, поравнявшись, нанёс ему удар длинным кинжалом. Около часа отец Василий ещё был жив, но рана была смертельной — кинжал пронзил почку, лёгкое и повредил сердечную артерию, и до конца литургии отец Василий скончался. Как было вскоре обнаружено, на звоннице таким же образом были убиты иноки Ферапонт и Трофим. Следствием было установлено, что отец Василий встретился лицом к лицу с убийцей и меж ними был короткий разговор, после которого отец Василий повернулся к убийце спиной.

Патриарх Алексий II в тот день направил в Оптину пустынь телеграмму:

«Христос воскресе! Разделяю с Вами и с братией обители пасхальную радость!

В 2005 г. над могилами Оптинских новомучеников иеромонаха Василия, инока Трофима и инока Ферапонта возведена часовня

Вместе с вами разделяю и скорбь по поводу трагической гибели трёх насельников Оптиной пустыни. Молюсь об упокоении их душ. Верю, что Господь, призвавший их в первый день Святаго Христова Воскресения через мученическую кончину, сделает их участниками вечной Пасхи в невечернем дни Царствия Своего. Душой с Вами и с братией».

Анна Михайловна Рослякова (матушка Василиса)

Последняя запись в дневнике отца Василия:

«Духом Святы́м мы познаём Бога. Это новый, неведомый нам о́рган, данный нам Господом для познания Его любви и Его благости. Это какое-то новое око, новое ухо для ви́дения невиданного и для услы́шания несло́ханного. Это, как если бы тебе дали крылья и сказали: а теперь ты можешь летать по всей вселенной. Дух Святы́й — это крылья души».

Иеромонах Василий представляет собой яркий пример современного монаха и аскета.

Келья иеромонаха Василия

Будучи весьма успешным, являясь мастером спорта международного класса, окончив самый престижный ВУЗ страны, имея работу по своим увлечениям, человек, глубоко любящий свою мать и не желавший причинять ей ни малейшей печали, он, тем не менее, жертвует всем этим земным и принимает монашеский постриг. Игорь Росляков оставляет мир и становится иеромонахом Василием. Он живёт в послушании Богу и ближним, не имея ничего своего и предаваясь молитве и подвигам.

Возможно, Господь, видя его святую жизнь и желая прославить своего подвижника, даровал иеромонаху Василию мученический венец, чтобы он был предстателем за нас пред Его Престолом.

Диакон Андрей Сидоров,
выпускник Нижегородской духовной семинарии 2021 года

О монашестве

Иеромонах Василий (Росляков)

Монашество — бескровное мученичество. Мука не есть лишение себя утех семейной жизни, сладкой пищи, телесного комфорта и других житейских развлечений и утешений. Это только путь к муке, а в пути иногда бывают радостные и приятные встречи, в пути есть ощущение собственной силы и удовлетворение от преодолеваемых препятствий. Собственно же мука — это предстояние пред лицом своей беспомощности и непрестанного лицезрения своего пленения силою страстей. Это состояние сравнимо с положением человека, терпящего истязания от взявших его в плен и предчувствующего свою гибель.

Монах добровольно подставляет грудь мечу Слова Божьего, и Тот проникает до разделения души и духа, обнажает и будит помышления сердечные. Это все совершается духовно так же реально и болезненно, и мучительно, как и телесно.

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб победить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божией, освятить этим соединением. Богатство монаха — утешение, находимое в плаче, и радость от веры, возсиявающая в тайниках ума.

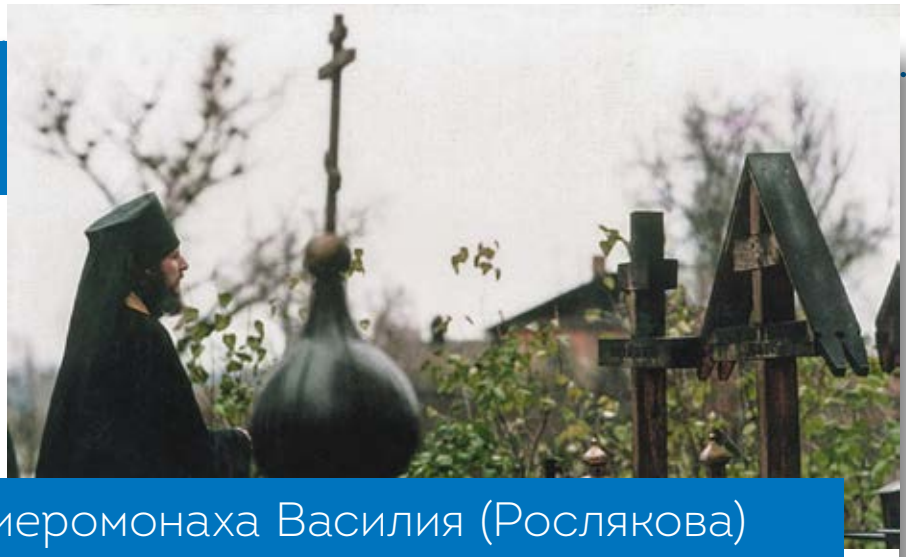
***

Пустыня — нерукотворный храм Божий. Ибо Господь Бог Вседержитель обитает в ней и Агнец (Откр. 21: 22). Пустыня не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия освещает ее и светильник ее — Агнец.

Воздух пустыни — океан премудрости Божией. Тишина пустыни — пение ангельское. Небо земное, Иерусалим вышний, граде Божий, в котором Бог обитает с человеками и отирает с очей их всякую слезу, — вот что такое пустыня. Земля пустыни — твердь небесная, ставшая подножием ног наших. Вода пустыни — Дух Животворящий. Хлеб пустыни — любовь Христова.

«Если взыщем Бога, то Он явится нам, — если будем удерживать Его в себе, то Он пребудет с нами», — так учил преподобный Арсений Великий.

«Сокровище монаха — радость обретения в плаче и вера, хранящаяся в тайниках разума», — писал преподобный Исаак Сирин.



Иеромонах Василий (Росляков) перед могилами Оптинских старцев

Стихи иеромонаха Василия (Рослякова)

Что взялся, инок, за стихи,
Илú тебе псалтыри мало?
Илú Евангельской строки
Для слез горячих недостало?
Не знаю я, зачем слова
Из сердца вылились стихами,
Ведь наполнял его не я
И благодатью, и слезами.

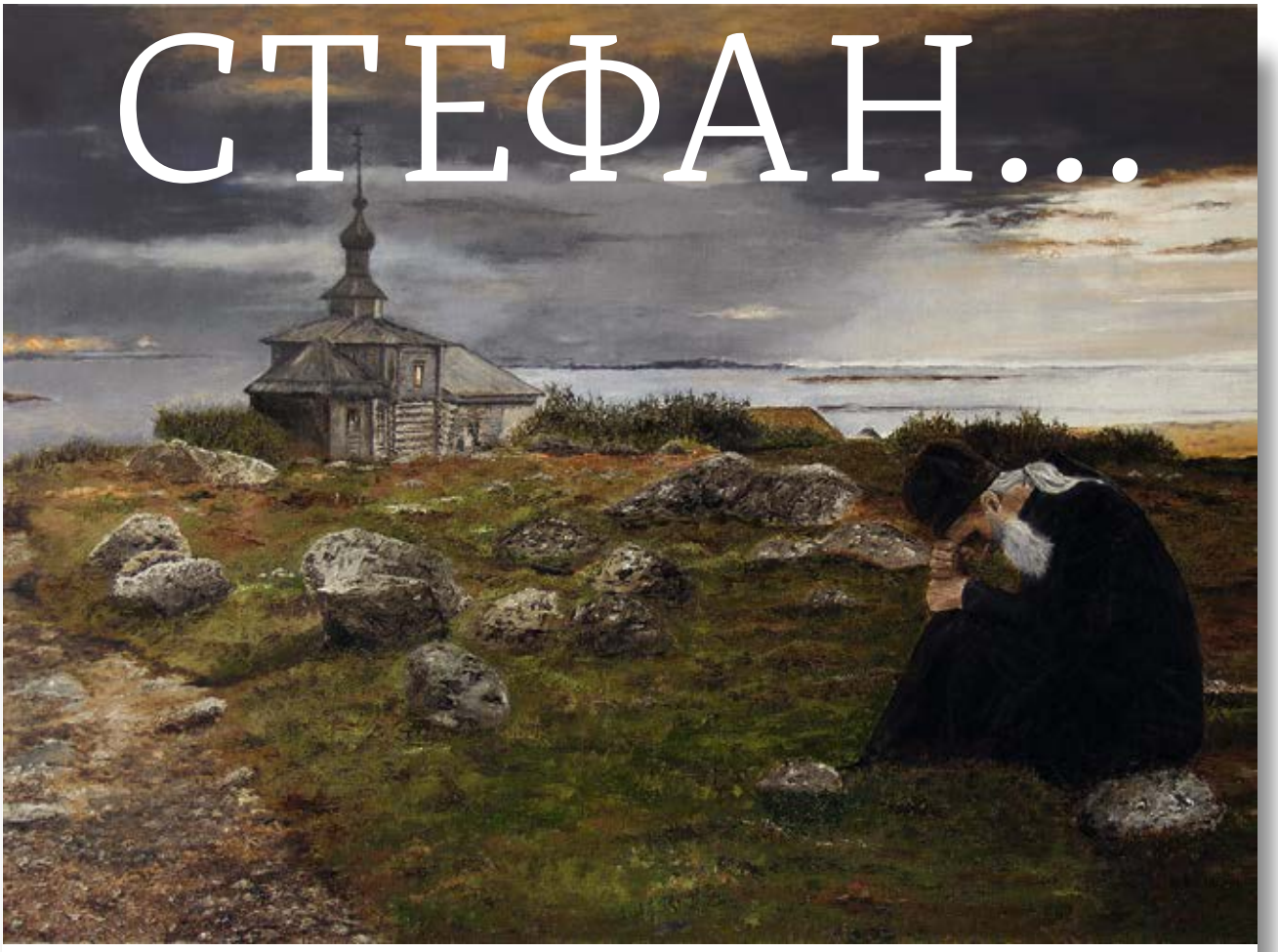
***

Открыть бы чернильницу ночи,
Набрать бы небесных чернил,
Чтоб разум себе заморочить
Далеким мерцаньем светил.
Чтоб выплеснув грусть и тревогу
На смятые эти листы,
Увидеть прямую дорогу,
Всю жизнь, по которой идти;
Чтоб стих стал понятен и прочен,
Как эта ночная стена,
Но чтобы пугались не очень,
Под утро увидев меня.

***

О, Боже, Ты выслушай вопли мои,
Их больше не слышал никто,
Молитве моей стихотворной внемли,
Коль мне вдохновенье дано.
От самого дна океанских глубин,
Из пропасти самой ночной,
Где эха уж нет и живу я один,
Взываю я рифмой простой.
Когда разгорюется сердце мое,
Воздвигни меня на скалу,
На гору, на камни, на что-то еще,
Куда мне не влезть самому.
С Тобой становлюсь я как тот исполин,
Что держит все небо плечом,
С Тобой я взлетаю орлом молодым,
Туман рассекая крылом.
Услышал Ты, Боже, обеты мои
И мне возвестил в тишине,
Что дал мне в наследие петь о любви,
О грустной моей стороне.
И Ты приложи удивительным дням
Еще удивительней дни,
И слишком короткие жизни певцам
Хотя б после смерти продли.
И я буду Имени петь Твоему,
Пока на земле моя тень,
И буду тянуться губами к Кресту
В воскресный и в праздничный день.

СТЕФАН...



Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.
Мф. 9: 13

Куприян Нагой, бесстрашный душегубец, не знавший жалости ни к кому, держал верх над колодниками: ворами, убивцами, которых судьба согнала в один этап. Так стая волков, повинуясь звериному инстинкту, безошибочно выбирает вожака. Куприяна боялись самые отъявленные бандиты, ловили взгляд его колючих, всегда смеющихся глаз, понимали с полуслова. Стрелецкий сотник Прохор Бабушкин, сопровождающий партию колодников в острог, знал это. Он шел рядом с Куприяшкой, не спускал с него глаз, был всегда начеку.

Солнце перевалило за полдень. Парило. Проходя вдоль ручья, сотник нагнулся, зачерпнул студеной влаги и жадно припал губами к краю походного котелка. Когда он пил, от его внимания не ускользнуло, как судорожно дергается поросший ржавой щетиной грязный кадык арестанта. Секунду поколебавшись, Прохор нагнулся, наполнил котелок еще раз и поднес его к губам Куприяна. Будто острым ножом полоснул сотника застывший в злобном прищуре взгляд. Стрелец невольно отпрянул... Все произошло в считанные секунды. Громкий свист прорезал тишину. Тяжелая цепь, описав в воздухе дугу, словно змея, обвила

голову сотника, отпечатав на лице пурпурные круги. Прохор пошатнулся, выхватил из ножен саблю, нацелился и что было сил ударил в горевшие злобным огнем смеющиеся глазки. Но сталь лишь рассекла рыжую кустистую бровь и оставила лиловый след на лбу разбойника. Еще раз прозвенела, ударяясь о мягкое, цепь. Опрокинутый навзничь сотник захрипел, захлебываясь вырывавшейся толчками из горла кровью.

— В лес! — крикнул убийца. И колодники, подхватив цепи, бросились в чащу.

* * *

Волк-одиночка с рыжими подпалинами на правом боку неслышно вышел из густого ельника на поляну и остановился в нерешительности. В двух шагах от него, подложив под голову узелок и приоткрыв рот, безмятежно спал человек в длинной черной одежде и такой же черной, надвинутой на брови, скуфье. Серый оскалил желтые клыки, потянул носом воздух и затрусил в лесную чащу.

Короткая летняя ночь подходила к концу. И вскоре жидкий рассвет залил молочным туманом кусты можжевельника, растущие на поляне.

Пробудившись, человек в черном увидел прямо перед собой поросшие рыжим волосом босые ступни с искривленными уродливыми пальцами. Правую ногу повыше лодыжки опоясывал сизый рубец — такие отметины оставляют тяжелые железные обручи. От ступней исходил удушливый смрад гниющей плоти.

— Ну, молись, святой отец, — донеслось откуда-то сверху.

Монах, стряхнув с себя остатки сонного оцепенения, поднял голову. Взгляд его скользнул по свалявшейся рыжей бороде с прилипшей к ней сенной трухой и встретился с колючими насмешливыми шильцами-глазками.

— Молись, святой отец, — повторил рыжебородый детина, одетый в немыслимые лохмотья.

Инок поднялся и оперся на локоть. Рука дрогнула, и неприятный холодок на миг сковал грудь. Отовсюду на него глядели со злобным любопытством оборванные грязные люди. Инок понял: пощады ждать нечего. Ну что ж...

— Ну что ж, и помолюсь, — сказал он. — И то, правду сказать, слава Богу, пожил, потоптал землицу-матушку. Помолюсь и за тебя, душегуб, за душу твою пропащую. Вижу, немало убил людей ты на своем веку. Да только вместе с невинными сгубил ты и себя.

— Молись, старик, недосуг нам с тобой о душе беседы вести, — злобно процедил, скрипнув зубами, рыжебородый. Свежий шрам, рассекающий бровь, налился и стал пурпурным.

— Будто дети малые вы, — возвысил голос святой старец. — Думаете, коли воевода да князь не ведут счета грехам вашим, так и нет на вас судии? Есть Судия. Им и волосы сочтены на головах ваших. Не будет вам...

Но договорить он так и не успел. Сверкнула на солнце тяжелая цепь. И упал инок с пробитой головой.

Почил, приняв мученический венец, смиренный старец, настоятель Нижегородского Печерского монастыря архимандрит Иов. Злодейство это свершилось 30 мая 1620 года на пути старца из стольной Москвы в Нижний Новгород.

...Разбойники, блуждая по лесу, вышли к древнему погосту, затерянному в чаще. Тут, среди покосившихся крестов, они устроили себе ночлег. Вскоре ночная тьма затопила лес и старое кладбище. Куприян не спал. Вперив взор в темноту, туда, где черными столбами высились сосны, он думал об убиенном старце.

Неясное беспокойство вдруг овладело им. Он повернул голову вправо... Волосы на его голове встали дыбом и вмиг побелели. Глаза вылезли из орбит. Готовый вырваться из отверстого рта крик замер в горле. Прямо на него сквозь могильные кресты шел старец в белой сияющей одежде. На его бледно-голубом лице застыла вымученная улыбка. Подойдя к Куприяну, старец разомкнул уста и произнес:

— Тебя я не виню в смерти моей. Бес, страшный и жестокий, правит тобой. До самой смерти не будет тебе покоя. А ты знай, — тихо шелестел, словно листва деревьев, голос старца, — Господь милостив, и в Его доме всем места хватит. Глядишь, и обретет заблудшая душа твоя благодать.

Перед тем, как раствориться в ночной темени, старец произнес:

— Так помни, до самой смерти...

И исчез.

Поджарые щуки, крутобокие краснoперые караси, ленивые лещи, блестя на солнце чешуей, барахтались в самодельной сети. Димитрий и Иосиф, подоткнув черные рясы и войдя в студеную воду Керженца, перекладывали богатый улов в холщовые мешки, притороченные к поясам.

— А Стефан ныне ночью опять не спал. Все молится, святая душа, за нас, грешных, — произнес Иосиф.

— И сейчас. Слышишь? — ответил Димитрий.

Из лесной чащи явственно доносилось молитвенное пение. Сквозь густые ветви ельника едва просматривался бревенчатый скат землянки, рядом с ним — согбенная застывшая фигурка молящегося.

Переложив рыбу в мешки, иноки направились к еле различимой тропке, змейкой, уползающей в лесную чащу, туда, где над великанами-елями курился сизый дымок.

Вдалеке от селений, среди непроходимых болот, в дебрях Керженских лесов пятеро монахов: Димитрий, Иосиф, Сергий, Феофан и Петр выстроили маленький скит: пять землянок и деревянную церковку. С большим трудом иноки отвоевали у леса крошечный участок земли и разбили огородик. Уединившись от мира, стяжая Дух Святой, проводили пустынники дни свои.

Стефан был шестым. Он пришел в скит два года назад, но не стал жить с иноками. Попросив благословения на послушничество у Димитрия, Стефан удалился в лес. Там он ископал землянку и жил отшельником. Питался ягодами, грибами и кореньями, день и ночь молился. Монахи почитали его за святого и не нарушали молитвенный покой старца...

Стефан затушил свечу, и рассвет вошел в келью. В темно-синем призрачном тумане застывшая неподвижно фигура старца, казалось, невесомо парила в напоенном утренней сыростью воздухе. Страдание исказило черты мертвенно-бледного лица его.

Тихие шаги и приглушенные голоса вывели Стефана из оцепенения. Старец вышел из землянки — три человека, не замечая Стефана, крадучись, шли по направлению

к скиту. Отшельник прислушался. До него долетали обрывки фраз:

—... золотые кубки, монеты — все есть, только спрятано... Спят... Всех порешим разом...

Времени для раздумий не было. И Стефан окликнул идущих. Трое одетых в рванье разбойников замерли на месте. Но их замешательство длилось недолго. Разглядев в предутреннем тумане одинокую фигурку инока, они неспеша двинулись к нему.

...Шум, донесшийся со стороны реки, разбудил Димитрия. Монах явственно расслышал топот удаляющихся шагов.

— Стефан, — чуть слышно прошептал инок и бросился бежать к реке.

Стефан лежал у самой кромки воды, неестественно раскинув руки. Рядом с ним валялась тяжелая, испачканная в крови цепь. Димитрий бережно поднял неподвижное тело и отнес в свою келью...

...Стефан, собрав последние силы, взбирался на высокую гору. Он шел, падал, вставал, стиснув зубы, шел снова. Наконец достиг вершины и увидел осиянный неземным светом Лик Спасителя.

— Господи, достойное по делам моим принимаю, — произнес монах.

— Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю, — сказал ему в ответ Иисус...

Димитрий поднес зажженную свечу к лицу Стефана. На голове монаха зияла страшная рана, из которой толчками вырывалась горячая кровь. Рядом с клокочущей раной Димитрий разглядел чуть заметный алый рубец, рассекающий бровь Стефана надвое — отметину, оставленную стрелецким сотником много лет назад.

Дыхание Стефана, ставшее частым и прерывистым, внезапно оборвалось.

Впервые за много лет старец в белой сияющей одежде не пришел к Стефану.

Олег Парилов

4 июля

Торжественный акт, посвященный 300-летию Нижегородской духовной семинарии и выпуску 2021 года

4 июля в нижегородском концертном зале «Юпитер» состоялся торжественный акт, посвященный 300-летию Нижегородской духовной семинарии и выпуску 2021 года.

Его участниками стали председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви протоиерей Максим Козлов, заместитель полномочного представителя Президента России в Приволжском федеральном округе Игорь Паньшин, заместитель губернатора Нижегородской области Андрей Гнеушев, митрополит Саранский и Мордовский Зиновий, викарии Нижегородской епархии епископ Балахнинский Илия и епископ Дальнеконстантиновский Филарет, епископ Ардатовский и Атяшевский Вениамин, епископ Городецкий и Ветлужский Августин, епископ Выксунский и Павловский Варнава, епископ Лысковский и Лукояновский Силуан, секретарь Нижегородского епархиального управления протоиерей Сергий Матвеев, первый проректор семинарии иерей Виктор Плаксин, ректоры нижегородских вузов, администрация, преподаватели и студенты Нижегородских духовных школ.

Также на мероприятии присутствовали настоятельницы нижегородских обителей, прихожане нижегородских храмов, а также министр энергетики и горного дела Республики Сербской Петар Джокич, министр труда, социальной защиты и военных ветеранов Республики Сербской Душко Милунович, клирик Сербской Православной Церкви протоиерей Миладин Митрович и другие члены делегации Республики Сербской.

В начале торжественного акта в исполнении хора семинарии впервые в ее истории прозвучал гимн духовной школы. Авторами произведения стали сами семинаристы – выпускники 2021 года.

Митрополит Иларион, выступая перед собравшимися, поздравил всех с 300-летием Нижегородской духовной семинарии.

Выступая перед гостями праздника, глава Нижегородской митрополии подчеркнул, что духовная школа – место, где не просто дают знания, но и воспитывают достойного пастыря, за которым пойдут верные Христу люди.

Петар Джокич поприветствовал гостей праздника и отметил, что испытывает чувство искренней радости от того, что имеет возможность принять участие в торжествах в честь 300-летия Нижегородской духовной семинарии.

Андрей Гнеушев зачитал поздравление губернатора Нижегородской области Глеба Никитина. Затем он вручил митрополитам Илариону и Зиновию, епископам Илие, Филарету, Вениамину, Августину, Варнаве и Силуану юбилейные медали «В память 800-летия Нижнего Новгорода».

Затем гостей праздника поприветствовал председатель Учебного комитета РПЦ протоиерей Максим Козлов.

К поздравлениям в адрес учебного заведения присоединились известные выпускники прошлых лет. Гостям праздника были представлены видеопоздравления председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, временно исполняющего обязанности руководителя пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси Владимира Легойды, заместителя председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Игоря Мещана, коммерческого директора группы компаний «Н-Транс» Никиты Мишина.

В ходе торжества гости посмотрели фильм, рассказывающий о трехвековой истории образовательного учреждения, окунулись в будни семинаристов, посмотрев сценку из жизни студентов, послушали выступления архиерейского хора Нижегородской епархии, хоров семинарии и Центра «Покров».

Порадовало гостей торжества выступление хора «Единство» из Республики Сербской. Хор является обладателем престижных международных наград, лауреатом множества конкурсов.

Нижегородские священники и члены их семей также составили хор и исполнили гимн семьи. Это стало их подарком к 300-летию нижегородской духовной школы.

Протоиерей Андрей Рассанов служит в храме в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии в Вятке. Отец Андрей увлекся фотографией в 2004 году, когда ему на рождение первого сына подарили фотоаппарат.

Отец Андрей видит в фотоискусстве не столько способ самореализации, сколько особую форму миссии: «Фотография — возможность поделиться тем, что происходит в твоей душе, с другими. Не случайно до сих пор ведутся споры: исповедь она или проповедь? Любое искусство — исповедь, ведь человек выставляет напоказ свой внутренний мир через окружающие его предметы. Но с помощью искусства можно и проповедовать».

Отец Андрей неоднократно побеждал в российских и международных конкурсах — в Америке, Франции, Румынии, Сербии, Польше, Германии.

За работу «Отражение человеческой души» отец Андрей Рассанов получил золотую медаль Американской фотографической ассоциации.

Среди серий его работ есть серия «Граждане Неба», посвященная монахам и монахиням Православной Церкви.

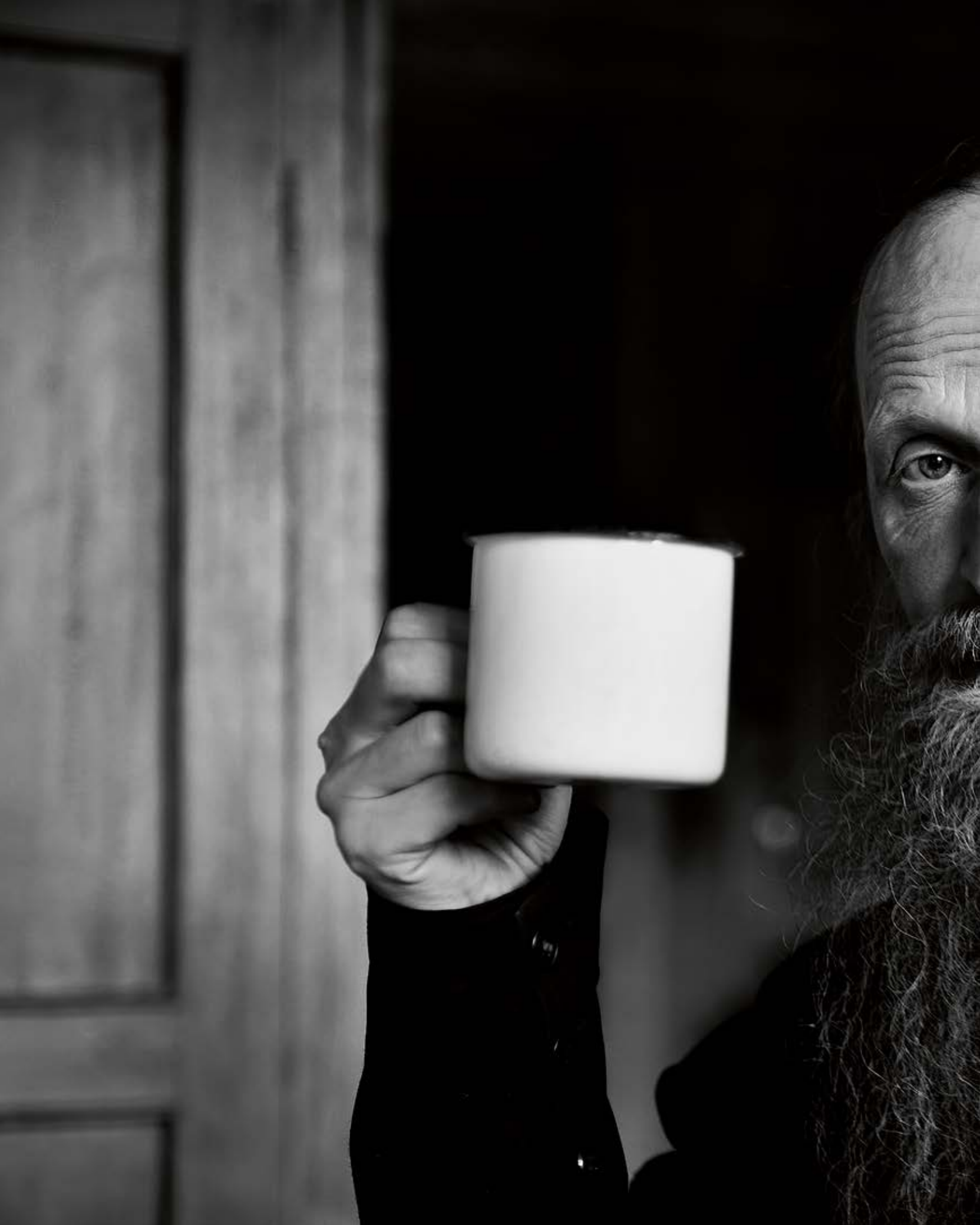
Предлагаем читателю познакомиться с размышлениями отца Андрея о монашестве и его замечательными работами.

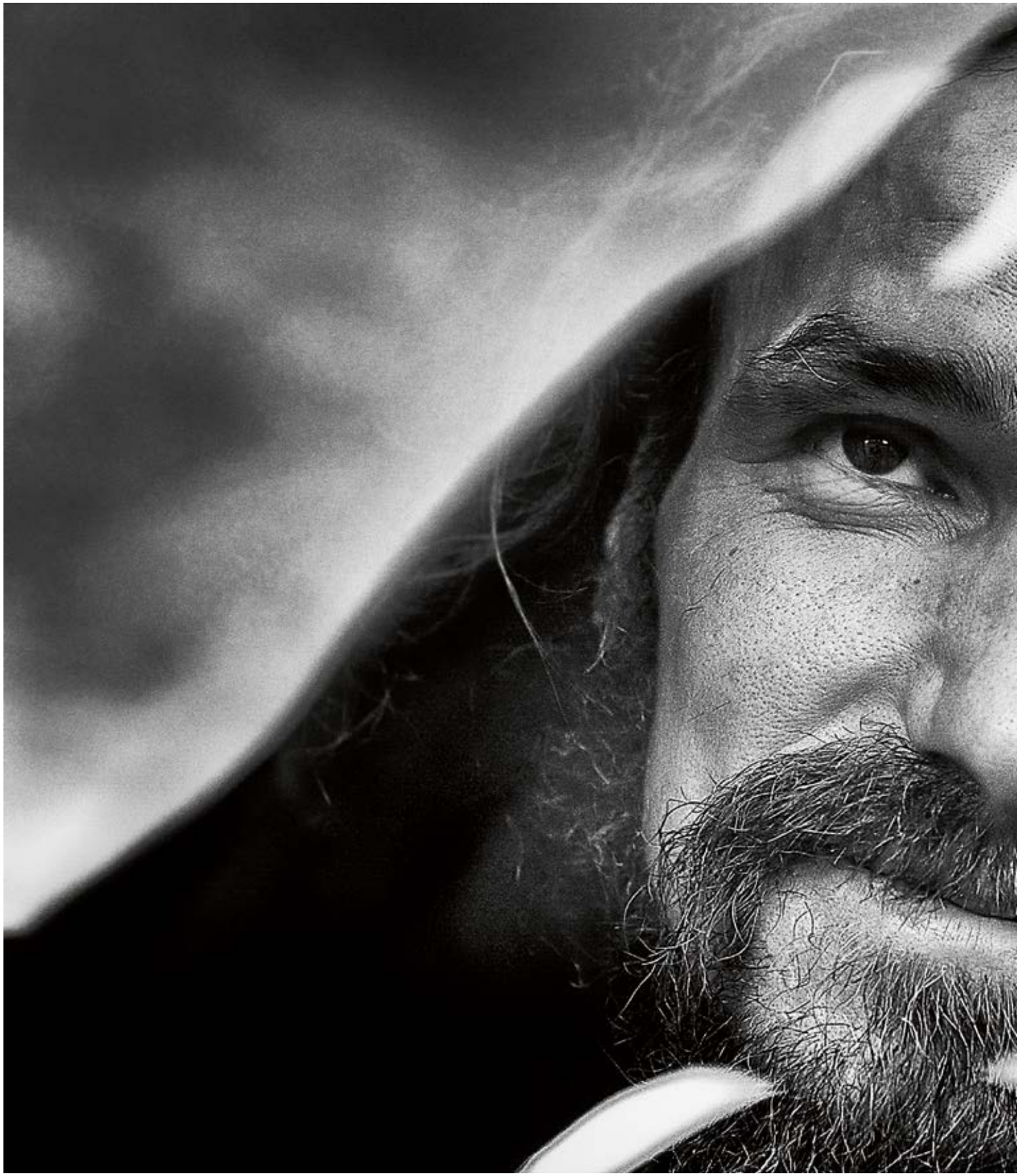
https://www.instagram.com/rassanov_andrey/

Андрей Рассанов

ДАНЕ НЕБА

Когда монахов спрашивают, почему они уходят в монастырь, те отвечают, что в монастырь не уходят, а приходят. Не скорби и несчастья заставляют уйти из мира. Любовь Христова призывает прийти в монастырь. Быть монахом — призвание.

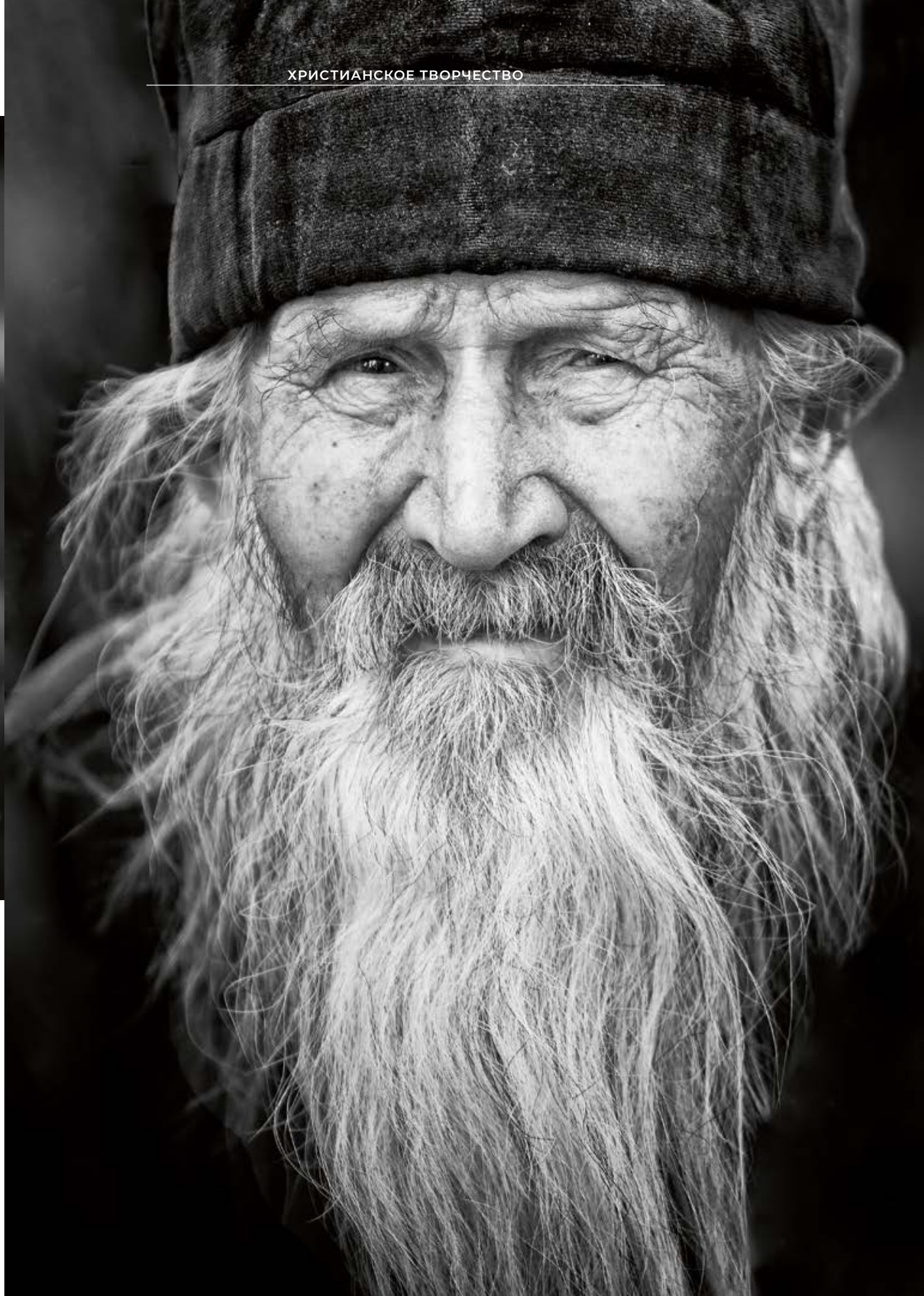




Как-то один новоначальный в монастыре спросил старого монаха: «Что это такое монах? И что значит быть монахом?» Тот сбросил скуфью на пол и истоптал её. Подняв уже измятую и перепачканную, он сказал: «Пока не станешь таким, как эта скуфья, не поймёшь, что такое монах».

СВАТЪ СВАТЪ
СВАТЪ
ГОСПОДЬ САВАОѲ

...В глазах монаха можно увидеть глубокую печаль. Скорбными линиями морщин она прорежет его лицо, повествуя о пережитом. Можно увидеть и радость, ясно и светло говорящую о благой вести спасения души. «...Печаль ваша в радость будет...» (Ин. 16: 20).



Чтобы стать гражданином Неба нужно всего лишь отречься себя. Отречься земного. Просто для того, чтобы освободить в своём сердце место небесному. Много ли это? Возможно ли? Здесь и вспоминается та самая истоптанная скуфья. Ведь нет ничего сложнее, чем отречься того, дорогого и ценного, к чему ты так привязан всей своей жизнью. Но нет ничего и проще, когда почувствовал всем естеством тленность всего, что ещё вчера казалось для тебя самым важным. И открыть бездонное небо, то самое — Царствие Небесное. В этом тайна монашества. В этом и великая радость его открытия. «...И радости вашей никто не отнимет у вас...» (Ин. 16: 22).

ПОЖЕРТВОВАНИЕ
Николо-Великорецкий
монастырь.